

ПЛОХИШ

Часть первая

Глава первая: Влада

— Меня взяли. В штат. — Влада перевела дух, наслаждаясь тем, как прозвучали только что произнесенные слова. Почти так же триумфально, как она всегда мечтала. — Пока на три месяца, правда, испытательный срок и все такое, но я планирую выложиться по максимуму.

Артем широко улыбнулся — так широко, как умел только он. Любой другой парень выглядел бы с такой улыбкой клоуном либо недоумком, но только не ее брат. Он всегда умудрялся быть сгустком обаяния, не прилагая к этому ни капли усилий.

— Ну и где шампанское? — строго, словно делала выволочку, поинтересовался он.

Вопрос поддержало радостное улюлюканье компании за столом: темноволосой Вики и одетой в строгую «тройку» Ани, ее подруг, и Игоря — бородатого хипстера, которого Артем упрямо отказывался назвать своим другом, но который повсюду таскался за ним и отпускал шуточки, которые были понятны только старым приятелем.

Влада выудила из пакета коробку с тортом, торжественно водрузила ее на стол и развела руками, мол, извините, но закоренелый трезвенник о спиртном подумает в последнюю

очередь. Артем в шутку погрозил ей пальцем и с наигранным сожалением заявил, что придется одолжить сестре сотню до первой законной получки. Затем помахал, привлекая внимание официантки.

Влада же скинула куртку, отряхнула с волос снег и бедром потеснила приятельниц.

— Теперь буду всем говорить, что у меня есть одна знакомая журналистка, и пусть только попробуют со мной поцапаться – устрою им черный пиар, - без капли иронии или веселья заявила Аня. Она в принципе редко шутила, настолько редко, что обычно невпопад и вразрез теме разговора.

— Валяй, - охотно разрешила Влада, взглядом оценила содержимое стола, прикидывая, чем бы перекусить.

Собеседование настолько выбило ее из колеи, что два дня накануне она питалась исключительно яблоками, минералкой и кофе. Последнего было, пожалуй, слишком много даже для ее многолетнего кофеманского стажа. После заветного: «Мы возьмем вас на испытательный срок, Владислава Юрьевна», желудок решил напомнить, что пора прекращать терзать его вынужденным голоданием и в подтверждение своей естественной потребности громко и выразительно заурчал еще до того, как она успела выскочить из кабинета главного редактора «Пересмешника». И с тех пор практически не умолкал.

— Я голодная, как зверь, - заявила она, бесцеремонно сцапав с Викиной тарелки ломтик сыра.

— Мы все это услышала, - уверил бородач, - практически сразу, как ты вошла.

Влада виновато пожала плечами, предприняла еще одну попытку воровства, но Вика шлепнула подругу по руке и взглядом указала на лежащее на краю стола меню.

— Поешь нормально, Егорова, на тебя смотреть жалко. Краше в гроб кладут.

Влада рассеянно скользнула рукой по лицу, как будто пальцами могла нащупать усталость. Ну да, она очень нервничала. Слишком много, если подумать, и слишком

необоснованно. Она хорошо училась, заканчивала третий курс журфака и была лучшей студенткой на потоке. Кроме того, в редакцию одного из крупных издательств столицы она попала не с перепугу, а по вполне конкретной рекомендации одного из преподавателей. И не лишь бы кого, а самого Красницкого Никиты Александровича - тридцати трех летнюю воплощенную мечту всех студенток факультета журналистики. Который, кроме того, что был первым красавцем среди мужской половины преподавательского состава, так же был первым любителем оценивать «за дело», а не за красивые глазки. На «отлично» у Красницкого учились и сдавали только закоренелые заучки. Ну и еще она, Владислава Егорова, по мнению многих – что-то среднее между заучкой и чокнутой пай-девочкой.

— Когда уже с волосами что-то сделаешь? – Аня покачала головой.

— А что с ними делать? – Влада развернула меню и голодными глазами впиалась в ассортимент. Сразу остановилась на отбивной и тушеных грибах. Не любила долго выбирать, предпочитая давно проверенные на вкус блюда.

— Потому что с этой косой выглядишь точным ботаном, - заключила Аня. – Журналистка модного глянца должна выглядеть... - Она сделала неопределенный жест рукой... - более стильно.

— Я буду вести колонку о культурных событиях столичной жизни, а не описывать ассортимент местных бутиков. Думаешь стоит разукраситься новогодней елкой и так заявиться на постмодернистскую постановку?

Аня недовольно пожала плечами. Среди немногочисленных подруг Влады она по праву считалась кем-то вроде иконы стиля: никто кроме нее не умел так тонко сочетать гламурную пестроту и сдержанный деловой шик. Она изучала международное право и не скрывала, что планирует на всю катушку использовать связи своей известной в узких кругах семьи, чтобы пробиться в самые высшие слои государственного правления.

— Просто все это, - Влада попыталась улыбкой сгладить

незаслуженную грубость и обвела подругу взглядом, - не для меня. Джинсы и толстовка – мой удел.

— А как же «заставлю его пожалеть?» - напомнила Вика, и за столом повисла тяжелая пауза.

Артем как раз отложил в сторону телефон и с раздраженным любопытством уставился на сестру. Влада стушевалась, мысленно посылая болтливой подруге лучи всего самого «доброго и светлого». Вот всегда с ней так: не умеет держать язык за зубами и в то же время обладает поистине уникальным даром выпытать все секреты. Что за человек?

— Кого пожалеть и за что? – осторожно спросил Артем.

Влада выдохнула. Почему именно сегодня?

— Это старая история, - все-таки попыталась отмахнуться она, заранее зная, что брат – не нитка на рукаве и так просто его не стряхнуть.

Ну и что делать? Влада уставилась на подругу, взглядом предлагая подключиться, потому что, как-никак, но за возникшую неловкость Вика ответственна целиком и полностью. Та вроде даже выглядела виноватой, но не нашла ничего лучше, чем мило улыбнуться Артему. Все знали, что она потихоньку уже который год понему сохнет, но лучше укусит себя за локоть, чем признается в этом, хоть бы и под пытками. В этом они с подругой были похожи, и часто Влада ловила себя на мысли, что именно на этой почве они и сдружились.

— Да Влада сохла по одну типу, а он поматросил и бросил, - невозмутимо пояснила Вика. И с видом: «А что такого, никаких имен же?» стянула зубами оливку со шпажки, которой все это время размешивала коктейль.

Артем уже открыл рот, чтобы оглушить встречными вопросами, но ситуацию разрядила официантка. Она как раз подошла и собиралась откупорить шампанское, но бородач заверил, что не женское это дело – вскрывать шипучие напитки, и без зазрения совести принялся клеить хорошенькую девушку. Когда Влада вклинилась в его топорные заигрывания со своим заказом, то схлопотала в ответ недовольное бурчание. И ухватила за повод устроить шуточную перепалку, чтобы увести разговор в сторону.

И все же...

Она вдруг поняла, что и в самом деле позволила себе ненадолго забыть. На целых несколько дней, если быть точной. И если подумать, то была вполне счастлива без тех воспоминаний. Свободна от глупого детского обещания, данного самой себе – страшно вспомнить – три года назад. Но хуже всего то, что Вика не только не вовремя вставила свои вездесущие пять копеек, но еще и наступила на больную мозоль: ткнула в то, что все эти годы она, Влада, не делала ровным счетом ничего, чтобы выполнить то обещание. Точнее сказать, чтобы подготовиться к нему.

— За мою умницу-сестренку! – провозгласил тост Артем и, наклонившись через стол, чмокнул Владу в макушку.

— За Владу, жуткую и единственную зануду среди моих знакомых, - дополнила Вика. – За плоды ее упорства!

— За тебя, «ботаник», - поддержала Аня.

— За зубрилку, - поддержал бородач.

Влада охотно присоединила бокал к общей куче. Никому другому подобных «нежностей» в свой адрес ни за что бы не простила, но в кругу близких друзей слова звучали уместными и были окрашены иным смыслом. Все понимали, кто она такая, никто не пытался ее переделать, а она наслаждалась обществом людей, принимающих ее как есть, без мишуры.

— Итак, с чего планируешь начать? – Аня прекратила гипнотизировать торт затравленным взглядом человека, ведущего строгий подсчет БЖУ¹, и вопросительно посмотрела на подругу.

— В смысле?

— Ну, у тебя ведь есть какой-то план?

Под ее непонимающим взглядом Влада с трудом протолкнула в горло кусочек гриба.

— Я просто... буду делать, что и все журналисты. – Она надеялась, что ответ удовлетворит перфекционистку Аню, но та всем видом давала понять, что ждет чего-то более конкретного. Как будто речь шла о ее карьере. – Изучать

события городской жизни, посещать театральные постановки, писать, редактировать.

— Хватит к ней цепляться, - заступилась за подругу Вика. — Не все же с пеленок начинают продумывать макет надгробия.

— И потом эти люди удивляются, почему кто-то живет как у бога за пазухой, а у них жизнь измеряется отрезками от аванса до полочки. Если плыть по жизни бревном, то нечего жаловаться на каждую набитую об непредвиденный косяк шишку.

— Я вроде не жаловалась, - рискнула вставить Влада, хотя не могла не признать — подруга права.

Аня Грановская была единственной, любимой и обожаемой дочерью владельца сети строительных гипермаркетов, разбросанных по всей территории великой и необъятной. Влада помнила их первую встречу — на выставке, куда Аня пришла в сопровождении не слишком красивого, но упакованного по всем стандартам отпрыска известной среди финансистов семьи. Влада до сих пор с трудом понимала, почему одетая в песцовое болеро богемная умница из всех людей в зале выбрала для разговора именно ее, девчонку из семьи среднего достатка. Просто подошла и ни с того ни с сего начала рассказывать, как адски устала улыбаться на камеру и расточать фальшивую доброжелательность, когда ее новые туфли натерли целый десяток мозолей. Влада частенько мучилась по такому же поводу, поэтому тут же снабдила неожиданную собеседницу целым вкладышем пластырей. Так и познакомились.

Грановская-младшая никогда не скрывала, что все в ее жизни подчинено строжайшему плану, некоторые пункты которого согласованы и одобрены ее родителями. В представлении Влады Аня была именно такой дочерью, о которой мечтает каждая семья — рассудительной, прагматичной и целеустремленной. Она любила говорить, что люди должны руководить обстоятельствами, в противном случае — это не люди, а слабаки, заслуживающие места среди «ноющей серости». Аня любила козырять подобными эпитетами, ни капли не думая об их уместности. В такие моменты Влада одновременно и восхищалась ею, и ненавидела. К счастью, Грановская сама не стремилась к

времяпровождению в шумных компаниях не из своего круга, а предпочитала общество одной Влады. Сегодняшние посиделки стали чуть ли не единственным таким мероприятием за минувший год.

— «Пересмешник» - солидное издание, - сказала Аня, - не представляю, как можно было соваться туда, не имея даже малейшего представления о том, как там зацепиться. Или ты собираешься выехать за счет одной протекции?

— Ну ты и мегера. — Ради реплики бородач Игорь даже отвлекся от салата, который с аппетитом уплетал за обе щеки. — Чего прицепилась к девчонке?

Влада собиралась вмешаться, но напоролась на предупреждающий взгляд Ани — и поняла, что лучше помолчать и позволить этим двоим всласть по пикироваться. Такое случалось с завидной регулярностью, стоило Ане и Игорю оказаться на одной территории. Благо, такое случалось очень-очень редко.

— Может быть потому, что не хочу, чтобы Влада пополнила ряды неудачников вроде тебя? Золотая медаль — не ахти какое достижение, и только наивные мечтатели верят, что она открывает какие-то мифические двери в безбедную жизнь. Ничего подобного, чушь собачья. Чтобы чего-то добиться — нужно точно знать, чего хочешь, и пахать над реализацией, а не сидеть на пятой точке, давясь фаст-фудом. Хотя допускаю, что некоторые довольствуются малым.

Настойчивый звонок телефона прервал Аню как раз в тот момент, когда в ее взгляде появился характерный злой блеск человека, одержимого одной-единственной идеей, которой он, словно лекалом, измеряет ценность чужих жизней. Девушка бросила короткий взгляд на экран телефона, что-то беззвучно бросила себе под нос, извинилась — и была такова. Как всегда, не прощаясь. Игорь принял ее уход за капитуляцией и не преминул пройтись катком нелицеприятных, хоть и цензурных слов.

— Да закроешься ты или нет? — завелся Артем. — Оставь девчонку в покое, вы оба одного поля ягоды, только у нее колготки стоят дороже, чем ты со всеми потрохами.

Игорь не собирался замолкать. Напротив, пустился в пространные философствования на тему воспитания и социальных классов. Артем потянулся за сигаретой, между делом бросив на сестру виноватый взгляд. Получается, что Игоря приволок вроде как он. И хотя иногда бородачу каким-то непостижимым образом удавалось стать душой компании, он чаще находил повод понудеть.

— Карл Маркс местного разлива, - ухмыльнулась никогда неунывающая Вика. Она была неизменным источником позитива и генератором безумных выходок. Только ей могло прийти в голову в десять вечера организовать утреннюю вылазку на дачу или за пятнадцать минут организовать поход на арт-хаусный фильм, при том, что из всей компании она была единственной, способной по достоинству оценить подобный продукт. — Не обращай внимания на Грановскую.

— Она права, - вступилась за подругу Влада. — Я понятия не имею, что делать, чтобы место осталось за мной.

— Быть собой? — предложила Вика.

— Вряд ли этого будет достаточно.

— Влада, выбрось из головы всю эту ерунду. Не все должны жить по указке ежедневника. — Вика придвинулась к ней и понизила голос до шепота. — Лучше расскажи, как все прошло с Красницким.

— Тихо ты! — шикнула на нее Влада, украдкой поглядывая на брата. Артем потягивал пиво и изредка вклинивал в монолог бородача парочку уместных фраз. — Обязательно здесь и сейчас об этом говорить?

— Я от любопытства лопну, - не унималась настырная подруга. — Это был просто ужин и беседа или... ужин и секс?

Влада приструнила ее рассерженным взглядом. Вот же язык без костей, ей-богу. И главное, не придраться — вроде и не разбалтывает ничего, но нет-нет — да и вставит ни к месту словечко или два. Дважды за сегодняшний вечер. Хорошо, что Артем совершенно выдохся после командировки и слушает в пол уха. Обычно он настороже и не упускает случая выковырять наружу любой секрет.

— Больше ни пол слова тебе не скажу, - Влада приложила максимум усилий, чтобы угроза прозвучала убедительно.

— Да ладно тебе. Ну хоть кивни – было хоть что-то?

Влада демонстративно ткнулась носом в чашку с соком, в который раз за их многолетнюю – еще с младших классов школы – дружбу, давая себе зарок больше ни о чем таком с Викой не секретничать. Дала, наперед зная, что пройдет день или два – и прибежит к подруге делиться рвущимися наружу переживаниями. Тем более что в сложившейся ситуации Вика была не просто благодарным слушателем, но и неиссякаемым источником полезных советов из личного опыта. Потому что относилась к тому типу девушек, которые созревают к четырнадцати, до восемнадцати отрываются на всю катушку, а потом превращаются в неформальных барышень с колоссальным багажом житейской мудрости.

К кому, как не к мудрой Вике Влада могла пойти в сложившейся ситуации?

— Просто кивни – отношения выяснили? – Требовалось что-то гораздо большее, чем одно «отстань», чтобы утихомирить сверхразвитое Викино любопытство.

Влада поджала губы. Кто бы ей кивнул в ответ на точно такой же вопрос.

Как же быстро все закрутилось – уму непостижимо. И каким зыбким, непонятым и туманным становится с каждым днем. За два месяца Влада в совершенстве овладела техникой «страуса» – ни о чем не думать, не анализировать, не форсировать. А как иначе ей, девятнадцатилетней девчонке, реагировать на свои отношения с Никитой, далеко выходящие за рамки «студентка-преподаватель»? Одно то, что она осмеливается называть его по имени, а не по имени отчеству, можно считать достаточным поводом для нелицеприятных сплетен.

Пока Влада безуспешно снова и снова пыталась упорядочить свои мысли, Вика поступила в типичном для себя стиле – схватила подругу за руку, сообщила, что «девочкам нужно припудрить носы», и поволокла в туалет.

— Выкладывай, - громко хлопнув защелкой, потребовала

она. Как будто услышанное остро повлияет и на ее личную жизнь.

— Мы просто поужинали, - ответила Влада.

— Вы «просто ужинаете» уже несколько недель. И обсуждаете литературу, и слушаете джаз, и ходите в театр. — С каждым произнесенным словом Вика морщилась, словно от оскотины. — Только не говори мне, что этот мужик импотент.

— Вика!

Та спокойно пожала плечами.

— Ну, ему тридцать три, мужская потенция после тридцати так же непредсказуема, как вулкан. Виктор в сорок меня ушатывал так, что я сидеть не могла, а у Краба в тридцатник вставал только после минета. И хватит кривиться, сама же сказала, что тебе нужен совет.

Влада не стала уточнять, что совет она просила два месяца назад и всего пару раз, и точно не подписывалась под обязательством выкладывать все, как на духу по первому требованию. Но, если отбросить стыд и прочую мишуру, которой она любила окружать себя по поводу и без, то поделиться с Викой было чем.

— Он забрал меня после собеседования. Ну то есть мы договорились встретиться кварталом ниже. Никита подарил мне букет цветов, поздравил и... поцеловал. А потом отвез домой и пообещал позвонить в субботу.

— Ну что ты как маленькая, как поцеловал, куда? — В глазах Вики зажглось предвкушение пикантных подробностей. Владе была даже жаль огорчать ее банальщиной: поцеловал в уголок губ, да и не то, чтобы поцеловал — целомудренно чмокнул.

— Ну, хоть что-то. Но тебе, подруга, теперь точно необходимо поставить вопрос ребром.

— Предлагаешь в лоб спросить: Никита Александрович, мы теперь официально встречаемся или понарошку?

Влада иронизировала, но Вика совершенно серьезно одобрительно кивнула на ее глумливое предложение. Да и как еще она могла отреагировать, если сама отродясь не

встречалась с ровесниками и всегда выбирала кавалеров значительно старше себя. Самому младшему из ее ухажеров, насколько знала Влада, было тридцать, и он же, по рассказам Вики, оказался самым большим разочарованием ее жизни в целом и ее постели в частности.

— Он за тобой ухаживает, это мы выяснили, - Вика отвернулась к зеркалу, придирчиво осмотрела колечко в правом крыле носа, и подняла взгляд на отражение собеседницы. — Взрослый мужик — это тот еще геморрой, если не уметь его приготовить. А у тебя, только не обижайся, и с ровесниками опыта кот наплакал. Так что если не хочешь вляпаться в липкое и неприятное, то либо сразу разруби, либо слушай, что говорят старшие.

Ох и любила же она козырнуть своими двадцатью. Причем чем дальше, тем чаще. Как будто получила доступ в святая святых, куда малолеткам вроде Влады путь заказан. И при этом обязательно делала вид, что приоткрывает завесу в мир взрослых исключительно из-за уважения к их старой дружбе.

— Я лучше за локоть себя укушу, чем спрошу такое, - призналась Влада. Даже в своих фантазиях она не могла представить ничего подобного. Рядом с Никитой ей речь напрочь отшибало, она и о повседневном говорить побаивалась, что уж там обсуждать серьезные темы.

— И что же — так и будешь делать вид, что ничего не происходит?

— Да. До тех пор, пока сама не поверю, что что-то действительно происходит.

В темно-карих глазах Вики было столько разочарования, что Влада почти поддалась желанию заорать: «Ну и что мне делать-то?». Но сдержалась. И вовремя, потому что с обратной стороны двери раздался настойчивый стук.

— Не надейся на глупостей, Влада, - предупредила Вика. — Мы обе знаем, что твои чертовы душевные раны никогда не заживают по-настоящему. Я прекрасно помню одного засранца, с которым ты тоже все чего-то выжидала, и еще лучше помню, чем в итоге все закончилось. Не расшиби лоб... снова.

Глава вторая: Влада

«У меня случайно оказалось два билета на концерт Гару. Сегодня в семь вечера. Хочешь сходить?»

Влада бросила взгляд в верхний угол экрана телефона, где электронные цифры показывали четверть пятого. Планов на субботний вечер у нее не было, если не считать повседневных домашних забот, основную часть которых она уже сделала. Правда, под впечатлением от укора Ани, Влада собиралась посвятить вечер составлению наиподробнеешего плана действий по своему продвижению от стажера до полноценного сотрудника, и даже выделила под это важное дело целый новенький ежедневник. Но в сравнении с перспективой в живую услышать самого непревзойденного Гару это казалось бессмысленной тратой времени.

«С удовольствием», - набрала она в ответ.

«Как насчет перекусить по пути?» - прислал Никита.

«Не откажусь от кекса и зеленого чая».

«Заеду за тобой в 17.00»

Влада еще раз посмотрела на время, вспомнила безупречный вид Никиты, в котором как ни старайся – не найти изъянов, сопоставила то и это. И дураку понятно, что он заранее знал ее ответ, успел одеться, подготовиться и выбрать галстук в тон. Она бы не удивилась, если бы Никита сказал, что уже в пути.

Влада остановилась перед гардеробом, придирчиво осматривая свой, мягко говоря, не очень девичий ассортимент одежды. Из всего, что с натяжкой подходило под описание «одежда на выход» у нее был брючный костюм цвета «бордо» и несколько довольно пуританских платьев в пол. Костюм она одевала на прошлой неделе, когда Никита пригласил ее в театр, одно платье – на выставку скульптур. Слава богу, осталось еще одно, «не засвеченное» - черное, с рядом мелких пуговиц вдоль спины.

Сборы у нее редко занимали больше получаса, причем большая часть этого времени приходилась на укладку волос.

Когда времени оставалось и того меньше, Влада начинала всерьез задумываться над словами Ани – а может и правда состричь половину? Ну кто в наше время носит косу через плечо до самого пупка? Влада помнила, как однажды уже сидела в кресле, решительная и завернутая в парикмахерскую накидку – и в последний момент бросилась наутек, словно черт от ладана. Ради чего, зачем? Как будто волосы могут помнить его прикосновения и скупое: «У тебя волосы одуренные, как расплавленное золото». Глупо и наивно, но Влада не могла заставить себя избавиться от того, чего касались его пальцы. Волосы это, или кожа, или одолженная по случаю футболка, теперь хранящаяся в самых потаенных недрах шкафа, словно сокровище Агры. Кто бы узнал – поднял на смех.

В этот раз Влада собиралась медленнее, а все потому, что трижды собирала и распускала волосы. В конце концов остановилась на варианте «высоко подобранный пучок». Чтобы конструкция продержалась хотя бы половину вечера, в ход пошли все найденные шпильки, а поверх них – лаконичная заколка под серебро, украшенная бархатной стрекозой.

«Я на Вокзальной. Выходи».

Влада бросила последний взгляд в зеркало, критично оценивая общий вид. Не сказать, чтобы сногсшибательно, но всяко лучше, чем вид повседневный.

Темно-синий «Мерседес» Никиты она нашла припаркованным на привычном месте – через дорогу, в закоулке между кафе и детской комиссионкой. Сам Никита стоял снаружи, с сигаретой в одной руке и букетом лилий в другой. Светло-серый костюм сидел на нем даже лучше, чем на моделях из рекламных постеров, соломенные волосы чуть растрепались от ветра. Он не сразу ее заметил, и Влада замедлила шаг, пытаясь представить, как они будут смотреться вдвоем: молодой стильный мужчина и студентка-третьекурсница с несформированным мировоззрением и целым локомотивом комплексов. И почему он обратил внимание именно на нее? За ним весь поток увивается, а там уж есть из чего выбрать даже самому придирчивому. Почему же он подошел к ней и как бы невзначай спросил, не хочет ли она обсудить тему своего личного проекта, например, за ужином?

Влада так опешила, что оказалась способна на одно короткое «Да». Никита кивнул, попросил ее номер телефона и пообещал перезвонить в течение дня. Они встретились на следующий день: он припарковался на этом же месте, а она не стала уточнять, почему так далеко. Наивная – да, но не идиотка, чтобы не понимать очевидной предосторожности. Никита отвез ее в милый ресторан на набережной, где их провели за столик с видом на залив, в вечернюю пору оранжевый от пролившегося за горизонт закатного солнца. Они отдали дань вежливости – действительно обсудили тему ее личного проекта, которым Влада собиралась закрыть брешь в его предмете, которая образовалась из-за затянувшегося на целый месяц воспаления легких. А потом, опять же по инициативе Никиты, перешли на «ты» и сменили тон разговора на неформальный.

За два месяца таких встреч их отношения, по личным ощущениям Влады, продвинулись едва ли на полшага. И чем дальше – тем меньше она понимала происходящее. Строго говоря, не считая отступления от формального тона и вчерашнего целомудренного «чмока», в их отношениях не было ровным счетом ничего предосудительного. Но оба предпочитали соблюдать конспирацию, как будто били все мыслимые и немыслимые рекорды по грехопадению.

— Прекрасно выглядишь. — Никита бросил сигарету под ноги, примял тлеющий окурок, протянул букет.

— Спасибо. — Влада потянула носом горьковато-сладкий аромат. — Не уверена, что оделась соответственно.

— Все отлично. — Он помог ей сесть, захлопнул дверцу.

В салоне его авто всегда стоял один и тот же запах – табака и крепкого холодного парфюма. Никита завел мотор и пристроился в правый ряд.

— Я заказал столик в «Адель», - сказал он, не сводя глаз с дороги.

— Хорошее место, мы с подругами отмечали там день рождения Ани Грановской.

— Я знаю.

— Знаешь?

— Я дружен с ее отцом, когда Анна искала подходящее для девичьих посиделок место, я подсказал «Адель».

Владе понадобилось время, чтобы переварить неожиданное открытие: Грановская и Никита, оказывается, общаются в семейном кругу. И достаточно тесно, раз уж Аня, которая кичится тем, что в состоянии все решить сама, прислушивается к его советам.

— Аня никогда не говорила, что... - Влада запнулась. А что, собственно, должна была говорить Грановская? Что попивает чай дома на кухне с ее преподавателем классической английской литературы 19 века?

— Что-то не так?

Никита на миг отвлекся от дороги, посмотрел на спутницу заинтересованными синими глазами. Его нельзя было назвать красавцем в общепринятом смысле этого слова: тяжелый подбородок, длинный острый нос. Но в купе с пронизательным взглядом и шиком, свойственным только успешному во всех отношениях мужчине, он превращался в настоящий магнит для противоположного пола. Где бы они с Никитой не появлялись – он неизменно притягивал к себе женские взгляды.

— Я просто... поняла, что ничего о тебе не знаю.

— Что тебя интересует? – Он выглядел совершенно спокойным, как будто они обсуждали ничего не стоящую повседневную чепуху.

— Прости, - Влада почувствовала необходимость отступить, отойти на безопасное расстояние от ловушки, которую сама же создала. – Я не была готова услышать, что ты тесно знаком с моей близкой подругой, а я об этом знать не знаю. Конечно, это не мое дело.

— Ты сама определяешь границы «своего» дела, - сказал Никита, по-прежнему безмятежно глядя на дорогу. – Я не буду подталкивать тебя ни к чему, достаточно того, что я сделал первый шаг.

— Звучит так, будто ты жалеешь.

Влада не хотела позволять голосу прозвучать так

претенциозно, но вышло именно так – будто она за секунду успела обвинить его и вынести приговор без права обжалования. Подобные выходки нередко становились гвоздем программы в их с Артемом семейных ссорах, когда она находила ничтожный повод для обиды, чтобы в итоге раздуть из него целое стихийное бедствие. Влада честно боролась с дурой привычкой, использовала все способы для ее искоренения, но с завидной регулярностью снова и снова поддавалась треклятым импульсам.

Никита отреагировал... никак. То есть по его выражению лица складывалось впечатление, что он вообще не услышал последнюю реплику. Может быть, именно в эту секунду он думал о чем-то более насущном, чем трескотня одной из своих студенток. С одной стороны Влада чувствовала необходимость перевести дух, но с другой – разве они не для того проводят время вместе, чтобы слушать и узнавать друг друга?

Столик в «Адель» располагался в глубине зала, достаточно далеко от огромных витражных окон в пол и любопытных глаз остальных посетителей. Стоило им занять свои места, как явилась официантка, толкая перед собой передвижной столик. Девушка поставила перед Владой блюдо с целым ассорти из сливочных и шоколадных кексов, фруктовый салат и двойную порцию «латте». Никита ограничился чашкой «эспрессо».

— Мне принадлежит доля в деле Грановского, - после первого глотка произнес Никита. – Раньше она принадлежала отцу, потом, когда его не стало, перешла мне. Я не слишком смыслю во всем, что касается управления делами. Меня устраивает, что это вложение приносит регулярное пополнение счета. Сам же предпочитаю заниматься тем, что нравится и в чем я чувствую себя профи – например, преподавание. Может это прозвучит странно, но мне приятно осознавать, что я становлюсь частью просвещения подрастающей молодежи. Я думал, ты догадываешься, что мой образ жизни не слишком вписывается в рамки дохода преподавателя с кандидатской.

— Если честно, я никогда не задумывалась о твоих доходах. Всегда считала некультурным совать нос в содержимое чужого кошелька.

Никита мягко улыбнулся, оставляя Владе право самой

догадываться, удовлетворил ли его ответ.

— Я впервые нахожусь в такой ситуации, - продолжил он, когда от затянувшейся паузы у Влады начали покалывать пятки. — Чувствую себя странно.

— Имеешь ввиду меня – и себя?

— Преподавателя и студентку, и шестнадцать лет разницы между. Со мной это впервые, и я точно так же растерян, как и ты. Каждый раз даю себе зарок поговорить об этом – и каждый раз мне не хватает слов. Мне, человеку, учившемуся словоблудию у Брэдбери, Шоу и Ирвинга. Если совсем откровенно, я надеялся, что разговор заведешь ты, но из тебя, похоже, и слова лишнего не вытянуть.

— Все мои лишние слова часто превращаются в ахинею, из-за которой приходится краснеть и много извиняться.

— Это-то меня в тебе так привлекает.

— Это?

— Твоя непосредственность. — Взгляд мужчины задумчиво скользнул по ее лицу. Влада почти чувствовала, как он мысленно поглаживает пальцем линию ее подбородка, идет вверх до «яблочка» щеки, осторожно прикасается к виску. — Ты ведь не считаешь меня больным извращенцем? Я первый подниму на смех любого ровесника, который скажет, что связал себя отношениями с девушкой твоего возраста, и найду миллион убедительных аргументов в пользу того, почему такие отношения лишены смысла и будущего. Но ты совершенно другая.

Влада оказалась совершенно не готова к таким откровениям. Все два месяца их свиданий она каждый день гадала, когда же Никите надоест играть в молчанку и он, наконец, прольет свет на свои чувства и планы. Вика настойчиво требовала взять инициативу в свои руки, но Влада не видела себя зачинщиком подобного разговора. Честно пыталась подобрать подходящую ситуацию, спровоцировать выяснение отношений уместной, как бы невзначай оброненной фразой, но каждый раз наткалась на свою полную беспомощность. Стыд, да и только, но во всем, что касалось Никиты, она чувствовал себя зависимой стороной. Настолько

зависимой, что порой хотелось выть от стыда за роль «страуса».

И вот, когда Никита все-таки завел серьезный разговор, она вдруг почувствовал острую необходимость перебить его на пол слове и свести все до обсуждения ничего не значащей мишуры. Поговорить о погоде, о чудесном голосе Гару, о своем новом месте работы. Да о чем угодно, лишь бы не прикасаться к щекотливой теме.

— Мне... приятно это слышать, - невнятно сказала она, мысленно сокрушая себе на голову все мыслимые и немыслимые ругательства. «Приятно это слышать?» Не смогла придумать ничего умнее?! — Я очень нервничаю, извини.

Никита понимающе кивнул.

— Потому я не спешил затрагивать эту тему. Такое чувство, что я воспользовался ситуацией, чтобы склонить тебя к отношениям.

— Я так никогда не думала, - поспешно ответила Влада.

Когда Вика узнала, что благодаря тому, что Никита замолвил словечко, Влада получила место стажера в «Пересмешнике», она непременно заявила, что Красницкий ловко расчистил себе путь к победе. Ох и поругались же они тогда — Влада не помнила, чтобы когда-то позволяла себе настолько повышать голос. Но в глубине души ей было невероятно стыдно из-за того, как это выглядит со стороны. Неудивительно, если окружающие воспримут их отношения именно в таком ключе, если даже самая закадычная подруга подумала черте что. Подумала, невзирая на свою подробную осведомленность обо всех ее бзиках. И главное, пока Вика не поддержала ее на тему протекции, Владе и в голову не приходило, что для непосвященного это действительно будет выглядеть именно так — услуга за услугу.

И хоть в итоге Влада доказала, что узнала о рекомендации Никиты уже после того, как ее приняли в штат, и сказано это было между прочим, она не могла не признать правоту выдвинутых, пусть и в шутку, обвинений.

— Раз уж у нас зашел серьезный разговор...

«Пожалуйста, не надо!»

— ... давай прямо сейчас договоримся: что бы ни случилось в будущем, какое бы развитие ни получили наши отношения, первостепенно ты всегда останешься моей студенткой, а я — твоим преподавателем литературы. По крайней мере, на оставшиеся два с половиной года. Я никогда не буду предвзятым ни в положительную, ни в отрицательную сторону. Хочу верить, что и ты не изменишь этому правилу и не станешь воспринимать мои замечания по учебе как попытки... склонить тебя к чему-то или унизить, или отблагодарить. С самого первого дня я считал тебя чрезвычайно умной девушкой, и сейчас говорю это не с целью в чем-то упрекнуть, а исключительно чтобы обозначить все возможные камни преткновения. И я считаю, что нам нельзя афишировать отношения не потому, что стесняюсь тебя или вынашиваю неприличные намерения, а потому что сейчас это в первую очередь оградит тебя от грязных сплетен. — Он постучал указательным пальцем по столу, как будто в такт внутреннему ритму. — Говорю полную чушь. Надеюсь, прозвучало не так мерзко, как мне кажется.

— Все в порядке. Я полностью согласна с каждым словом.

— Уверена? — засомневался он. — Потому что все недосказанности рано или поздно заявят о себе, и часто в самых неподходящих обстоятельствах. Мне бы не хотелось потерять тебя только потому, что сейчас мы побоялись быть полностью откровенными.

— Нам давно следовало обсудить эту ситуацию.

Никита осторожно прикоснулся к ее ладоням, которые Влада, как школьница, положила перед собой на столе. Простое касание кожа к коже заставило ее покраснеть. Они и раньше держались за руки, и несколько раз Никита позволял себе приобнять ее за талию. Но именно сегодня простое касание вызвало в ней целую бурю эмоций. Он был невероятно обаятельным молодым мужчиной, с безупречными манерами и трезвой головой. И как она могла сравнивать их? Никита никогда бы не растворился, не сказав ни слова, просто потому, что поддался импульсу внезапно изменить свою жизнь. Никита никогда бы не расплющил чужие чувства асфальтоукладочной машиной своего эго.

— Ты — замечательный, - Влада потянулась, позволила своим пальцам уютно устроиться у него в ладони.

Он улыбнулся, сжал ее ладонь, одновременно поглаживая костяшки большим пальцем. Ничего из ряда вон выходящего, но от этой нежности по телу Влады разлилось тепло. Вот такими должны быть отношения: спокойными, стабильными, без недомолвок и прихотей. В конце концов, шестнадцать лет не такая уж невообразимая разница.

Глава третья: Влада

Концертный зал комплекса «Созвездие Орион» был битком забит от желающих воочию увидеть и своими ушами услышать прославленного баритона. На этот раз Никита припарковался на отведенных для машин местах — оказалось, что эта услуга входила в стоимость билета. Они прошли через весь зал и заняли места в третьем ряду — как раз за спинами известных политиков и шоуменов. Влада даже не пыталась осмыслить приблизительную сумму этого «удовольствия» и как Никита раздобыл билеты в последний день. Владе было неловко спрашивать, чтобы ненароком не признаться, что она впервые на мероприятии подобного масштаба, да еще и в VIP-зоне.

— Тебе нужно расслабиться, - Никита успокаивающе похлопал ее по руке, которой Влада продолжала сжимать его локоть даже после того, как они заняли места в зрительном зале.

Легче сказать, чем сделать. Этот выход в свет, под прицелы камер и взгляды десятков журналистов, перечеркивал их договоренность держать отношения в секрете. Почему он так спокоен?

Никита наклонился к ее уху, мягко отодвинул закрученную спиралью прядь.

— Здесь несколько тысяч людей, - прошептал он, и его дыхание защекотало кожу у виска, - вряд ли здесь так уж много наших общих знакомых, а газетчиков интересует только

бомонд, так что в камеры нам попасть тоже не судьба. Кроме того, - он отодвинулся, приподнял ее лицо за подбородок, - считай, что это твой шанс посмотреть, как работают профи.

Влада не стала говорить, что волнение превратило ее в подслеповатую мышь. Все предметы и люди на расстоянии несколько метров вокруг превращались в бесформенную пеструю массу, источающую сотню ароматов и слепящую вспышками фотокамер. Немыслимо, как кому-то удастся работать в этой обстановке: сосредоточиться, невзирая на шум и гам, носиться с диктофоном между рядами, одновременно увиливая от охранников и задавая щекотливые вопросы именитым посетителям. Слава богу, что ей досталась спокойная колонка культуры театральных подмостков. Влада категорически не видела себя среди пробивных, неуловимых, тиражирующих сплетни и скандалы газетчиков.

Но стоило на сцене появиться именитому певцу – как из головы Влады разом вылетели все тягостные мысли. Она впитывала его низкий, поющий о любви, голос, словно сухая земля впитывает весенний дождь. На время даже забыла о Никите, о своей неуверенности и страхе первого совместного выхода на мероприятие такого масштаба. Как будто заморский артист приехал специально для того, чтобы спеть ей, чтобы каждым надрывом голоса пропускать электрический ток по струнам ее души.

— Влада, - Никита сжал пальцы на ее плече, заставил вернуться в реальность, - перерыв.

Она не сразу сообразила, что голос певца стих и что публика в зале заметно оживилась. Понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя.

— Это было великолепно! – громким шепотом, с трудом сдерживая рвущиеся наружу эмоции, сказала она. – Это несравнимо с записью. Господи, я и представить не могла, что такое возможно.

Никита широко улыбнулся.

— Рад, что тебе понравилось. Может быть, спустимся в холл и выпьем по бокалу чего-то вкусного?

Влада позволила ему вести, чувствуя себя совершенно

окрыленной часом великолепной музыки и безупречного исполнения. Тяжелый разговор, перспектива оказаться «застуканной» в непозволительных отношениях с мужчиной намного старше – все это превратилось в дымку, зыбко тлеющую на задворках сознания. В конце концов, она заслужила право насладиться вечером, обществом обходительного мужчины и проникновенной музыкой.

В холле уже яблоку негде было упасть. Сначала Влада стеснялась своего скромного наряда – на фоне дизайнерских платьев и блеска бриллиантов, ее купленное на прошлогодней распродаже платье выглядело, мягко говоря, скромно. Положение спасал Никита, отвлекая на себя женское внимание. Владу если и замечали, то между прочим, едва скользнув случайным взглядом.

— Замерзла? – спросил он, пока они ждали своей очереди подойти к накрытому фуршетному столу. Тут же, принимая заказы и деньги, сутились одетые по всей форме официантки. – Дрожишь.

— Чувствую себя не в своей тарелке. Я впервые на таком мероприятии, понятия не имею, что делать, – призналась она.

— В любой непонятной ситуации нужно оставаться самим собой и ни в коем случае не поддаваться панике, – нарочито поучительным тоном посоветовал Никита. И тут же разрядил улыбку коротким смешком. – Влада, заклинаю тебя, прекрати краснеть и анализировать каждый вдох и выдох. Вот что мы сделаем – ты отойдешь вон туда, – он подбородком указал на софу, приютившуюся между мраморных колонн, где уже сидела брюнетка в эффектном платье цвета морской волны, – и подождешь, пока я принесу что-то освежиться.

Владе была невыносима сама мысль о том, чтобы лишиться уютной защиты его локтя, за который она держалась, словно утопающий за соломинку. Но еще хуже, если он увидит ее до неприличия детский страх толпы. Пришлось собраться, напомнить себе, что она не имеет права перечеркнуть его похвалу ее серьезности – и согласиться с предложением. Ничего страшного не случится, главное, ни на секунду не терять Никиту из поля зрения, что совершенно несложно.

Она осторожно опустилась на самый краешек софы, убрала за спину совершенно не подходящую общему наряду массивную сумку. Все, что есть – клатчей у нее отродясь не было. Влада считала их совершенно непрактичными. Что за толк в сумочке, куда даже книгу не запихнуть, не то, что ноутбук или буханку хлеба.

— Твой?

Сначала Влада не поняла, что вопрос адресован ей. Но в придачу к нему шел вопросительный взгляд-брюнетки.

— Что, простите?

Девушка раскрыла клатч, достала массивную пудреницу, но вместо того, чтобы использовать аксессуар по назначению, пару раз постучала им по оформленной кристаллами лилии в центре сумочки.

— Щеголь в сером костюме – твой хахаль?

— Мы встречаемся, - после секундой задержки поправила Влада.

Брюнетка оценила ее долгим придирчивым взглядом. Влада так и видела, как в ее голове заработали шестеренки внутренней кассы, развешивающей ценники на каждый предмет одежды собеседницы.

— Ага, встречаетесь, - снисходительно согласилась девушка. Видимо в ее голове общий ценник Влады был слишком мал, чтобы потрудиться хотя бы изобразить видимость вежливости. – Ну, как для «папика», он вообще молодец, задница отличная. Тридцатник с небольшим, угадала?

Влада не понимала, почему вместо того, чтобы встать и уйти, продолжает выслушивать откровенное хамство. Она поискала взглядом Никиту – и нашла его разговаривающим с солидным мужчиной сильно за пятьдесят. У мужчины было внушительное пузо позолоченные часы на толстом запястье и жиденькие седые волосенки. Влада обеспокоенно заерзала, соображая, как поступить дальше. Похоже, Никита сильно ошибся, думая, что в такой толчее шанс наткнуться на знакомых ничтожно мал. Должна ли она подойти и поздороваться? Сказывалось материнское воспитание, которое

она в свою очередь получила от родителей до мозга костей пропитанных высокой наукой.

Стоп. Влада чуть не за шиворот одернула себя, пригвоздила пятую точку к софе. Они с Никитой договорились, что до окончания ее учебы не будут афишировать свои отношения. Возможно, этот человек его знакомый, а значит, ее присутствие может оказаться очень не к месту. Не зная броду – не суйся в воду. Лучшее, что она может сделать – и сделает – останется на месте и дождется, пока Никита разберется со своим разговором и вернется к ней.

— Не обижайся, - сказала брюнетка, - просто у меня резкая личная неприязнь к бабам, которые ухлестывают за богатенькими буратиными.

— Я ни за кем не ухлестываю, - сдержанно отбрила незаслуженные претензии Влада.

— Да ладно, не будь стервой, я же извинилась.

— Большое спасибо, я оценила.

Влада всегда чувствовала себя неловко, когда по стечению обстоятельств оказывалась втянутой в перепалку или выяснение отношений. Как будто именно ее несдержанность или неаккуратность в выражениях привели к тому, что два человека наговорили друг другу гадостей. Особенно часто это случалось в разговорах с родителями, которые так и не простили им с Артемом свободомыслия. Но сейчас она практически впала в ступор от непонятности происходящего. Эта расфуфыренная барышня говорит с ней так, вроде они пили на брудершафт и с детсадовского горшка делились сокровенным.

— Хочешь совет?

— Нет, благодарю.

Смешок вынужденной собеседницы красноречиво засвидетельствовал – выслушать совет все-таки придется.

— Перестань вести себя так, словно у тебя гвоздь в заднице. От этого случается геморрой. И чтобы там ни говорил твой выхолощенный поганец, о каком бы благе скрытности не заливал – чушь это все. Срань собачья. Что глазки

вытаращила? Да у тебя на лбу написано, что нужно сидеть и не рыпаться, чтобы вас вместе не дай бог не увидели. Если у него жена, то у меня для тебя плохие новости, подруга. Нормальная баба – его ровесница – вцепится в такого мужика зубами, как клещ. Ей легче в подворотне поколотить тебя скалкой или плеснуть в лицо какой-нибудь пекучей дрянью, чем отпустить такой улов. Если жены нет – то новости еще хуже. У нас тут экземпляр «холостяк обыкновенный, свободолюбивый». Уверена, он куда умнее, щедрее и рассудительнее, чем наши ровесники, и еще в том возрасте, когда потенция не дает сбоев. Но ты для него всего лишь имя в списке трофеев.

— Даже не знаю, хватит ли наличности расплатиться за подробный ликбез.

Брюнетка издала низкий гортанный смешок, который принято считать «сексуальным». Влада не услышала ничего, кроме издевки. Хотелось тут же высказать хамке в глаза, что та ошиблась по всем фронтам, но в их разговор вклинился третий собеседник.

— Вот уж кого не ожидал увидеть, так это Неваляшку собственной персоной.

Она так резко вскинула голову, что хрустнула шея. На минуту или две в глазах потемнело, мир вокруг потускнел за темными пульсирующими вспышками.

Нет, нет и нет.

Она обозналась.

— Так вы знакомы? – Удивленный голос брюнетки донесся издалека, как будто она находилась за десятком дверей.

— Можно и так сказать.

Влада несколько раз моргнула, разгоняя пелену. Прежде чем поняла, что делает, поднялась, трясущимися руками расправила складки платья, стряхнула несуществующие пылинки. Поправила волосы, хоть в этом не было необходимости. Она просто обязана спрятать куда-то руки, найти занятие для негнущихся пальцев, придумать тысячу забот каждой клеточке своего тела, чтобы не совершить наибольшую в своей жизни глупость – не броситься ему на

шею.

— Онегин, ты что — половине города успел присунуть? — Голос брюнетки не звучал хоть сколько-нибудь обиженным или огорченным. Она скорее сдобрила удивление раздражением.

— Так и не поздороваяешься? — игнорируя вопрос девчонки, напирал он.

Влада не успела опомниться, а жесткие пальцы уже схватили ее за подбородок, вздернули голову вверх, принуждая смотреть в глаза.

Стас.

О, господи.

Трех лет как и не было.

Годы, которые она посвятила хрупкому дилетантскому заштопыванию душевной рваной раны, которую он оставил на память, разбились вдребезги. Как глупо было надеяться, что при встрече с прошлым она сможет дать достойный отпор. Какой невыносимой идиоткой она была, рассчитывая когда-то вернуть обиду сторицей. Под натиском жестких, холодных, абсолютно черных глаз ее душевная организация капитулировала без единого выстрела.

— Привет, Стас, - прошептала она и предприняла попытку высвободиться из хватки его пальцев. Тщетно.

Господи, пусть все это окажется ужасным кошмаром. Одним из тех, которые нет-нет, да и навещают ее, и портят настроение на весь день. Какими бы ни были декорации, во сне Стас всегда сокрушал ее попытки казаться холодной и высмеять его в лицо. Все заканчивалось ее слезами, униженными просьбами не исчезать, не растворяться из ее жизни, не вколачивать в ее сердце свое ржавое равнодушие.

И вот — сон разорвал грезы, выполз в реальность, как Фредди, противно лязгая пальцами-лезвиями.

— Привет, Невалышка. — Он чуть наклонился к ее лицу, опалил дыханием кожу. — Вижу ничегошеньки вообще не меняется, разве что, веснушек стало еще больше.

Он не изменился — и в то же время стал совершенно

другим. Сколько ему сейчас?

«Да хватит прикидываться, Егорова! – лягнула она себя. – Ты же каждый год отмечаешь четвертое января в календаре».

Двадцать четыре Стасу Онегину исполнилось ровно два месяца и шесть дней назад.

Он всегда был ее личным стихийным бедствием, с самого первого дня, как они случайно столкнулись на дне рождения Артема. Тогда еще Стас носил статус «друга ее брата», хоть в доме семейства Егоровых появился впервые. Влада помнила каждый толчок сердца, которое загрохотало, стоило этому темному взгляду скользнуть по ней. Гулянка в отсутствие родителей предполагала определенный, всем известный градус, и Артем позаботился о том, чтобы младшая сестра не путалась под ногами компании подвыпивших третьекурсников – отправил ее к бабушке на все выходные. И при этом не предусмотрел, что шестнадцатилетнюю девчонку не так-то просто заставить плясать под свою дудку. Влада улучила момент и просто сбежала из-под надзора скверной во всех отношениях Валентины Петровны. И угодила прямоком с корабля на бал. К сожалению, в плохом смысле этого слова.

За три года черты Стаса заострились. Он и раньше не отличался так воспетой в девичьих романах мягкостью губ и длинной ресниц, но время приумножило каждую острую черту: тяжелый подбородок, подчеркнутый тенью однодневной щетины, нос с горбинкой, четкие скулы, упрямые густые брови. Правая бровь перечеркнута тремя стежками старого шрама.

— Когда ты вернулся?

— Давно, - выдал ничего не значащий ответ. – Думал позвонить тебе, пригласить в гости.

У Влады было всего мгновение, чтобы заметить едкий огонек в его взгляде. Мгновение, за которое она успела испытать всю гамму чувств между полюсами «Счастье» и «Боль».

— Я сменила номер. – Она пыталась выглядеть непринужденной, но тщетно. Стас Онегин был ее личным ядом, против которого она так и не выработала иммунитет. Что ж, похоже, пришла пора воспользоваться тем немногим, чем

она овладела в совершенстве – сбежать, пока еще есть что спасти. – Не буду вам мешать.

Она кивнула брюнетке и, стараясь держать голову высокоподнятой, попыталась обойти Онегина.

— На меня не обращай внимания, я всего лишь Кэт - сестра этого засранца, - отмахнулась брюнетка.

Сестра? Влада попыталась вспомнить, упоминал ли Стас о сестре – и дернулась под шквалом хлынувших ошибок. Рана, которую она так скрупулезно латала попытками убедить себя, что приняла за любовь простое девичье увлечение, вспухла, зачесалась. Влада испытала физическую потребность прижать ладони к груди, закрыться от окружающего мира.

Что она знала о Стасе Онегине, кроме того, что влюблена в него без памяти? Ни-че-го.

— Что ты здесь делаешь? Изменила старой привычке прятаться в углу и наблюдать, как остальные прожигают жизнь?

— Три года прошло, я успела повзрослеть.

— Да ну? – Стас с подчеркнутым сомнением оценил ее взглядом. Не облапал глазами, выражаясь любимым слэнгом Вики, а оценил, словно куклу в витрине магазина. Как будто искал изъян, чтобы сбить цену. – А я вижу, что ничего нигде не прибавилось и неросло. Кроме веснушек и волос.

— В таком случае мне остается только поздравить тебя с прекрасной памятью.

Она вовремя спохватилась, что забыла сумку на софе. Не будь в ней телефона – ее драгоценного сокровища, без которого Влада не мыслила своей жизни – она бы лучше бросила все и вернулась к первоначальному плану побега. Но пришлось пересилить страх. Кто бы сказал, что пара шагов и несколько механических движений могут сотворить такое в ее голове. Запах Стаса, уникальное, ни на что не похожее сочетание аромата кожи и грозы, приправленное его личным запахом, безжалостно сдернул защитное покрытие с ее нервов, оставив их оголенными для яростной атаки.

— Вы переехали?

— Для человека, который три года не давал о себе знать, ты задаешь слишком много вопросов. — Влада поздно сообразила, что все-таки переступила черту, за которую зареклась переходить — позволила Стасу лишить ее уверенности, сорваться на глупые колкости.

Его реакция не заставила себя ждать. Приподнятая бровь, насмешка во взгляде: «Изменилась, говоришь? Но с пол оборота заводишься, как раньше».

— Вот такой я поганец. Но ты ведь знаешь? Помнишь?

В этом был весь он. Никогда-никогда не оправдывается ни за что. Стас нарочно провоцировал людей, чтобы потом остудить их злость своим бесконечно холодным «Ок, я такой, как есть». Он не изменил своему кредо и в тот вечер.

Владе срочно требовалась порция отрезвляющих слов. А лучше две порции. Она мысленно схватила себя за шиворот, встряхнула. Он помнит? А как насчет того, что она тоже ничего не забыла, как будто все случилось вчера?

Боль, как любят писать в книгах, не только сокрушает, но и заставляет подняться на ноги, в зависимости от обстоятельств. Влада позволила удушливой отраве прошлого просочиться ей под кожу, наполнить собой до краев — и выплеснуться. Иначе Онегин снова щедро пройдет напалмом по ее сердцу.

— Помню — что? — Слава богу, ей удалось справиться с дрожью в голосе, и слова потекли куда ровнее. Не идеально, но достаточно, чтобы стереть ухмылку с лица Стаса. — Помню, как ты пару раз побывал у нас в гостях и нахваливал мои оладьи с клубникой. Помню, как разбил машину отца, и что ты постоянно путал имена своих подружек, за что часто получал по физиономии. — Последняя фраза далась тяжелее всего, но Влада записала победу себе: она выдержала его взгляд и ее хребет не сломался. Хорошее завершение встречи с прошлым, которое едва не сшибло с ног.

— О, Стас, а она кусается, - прокомментировала Кэт.

Влада пожала плечами. Пусть расценивают это, как угодно.

— Влада.

Голос Никиты за спиной прозвучал как звон спасательного

колокола. Она так резко повернулась, что угодила носом ему подмышку. Он осторожно придержал ее за плечи, они обменялись взглядами.

— Все хорошо? — Никита посмотрел на ее собеседников, при этом его рука мягко скользнула с плеча Влады на талию.

Она воспользовалась поводом и придвинулась к нему. Спасибо вам, высшие силы справедливости, за этот жест! Вот только Стас выглядит так, будто ему скорее противно, чем обидно, ну да ладно. После того, как она почти поверила в свой безоговорочный крах, Никита появился очень вовремя. Рядом с ним она сразу воспрянула духом, да и, чего греха таить, крепкое плечо оказалось хорошим напоминанием — прежде всего себе самой! — что кое-что все-таки изменилось кардинально.

— Все в полном порядке, — стараясь придать голосу уверенность, сказала она.

— Может быть, познакомишь нас? — И, не дожидаясь ее ответа, Стас протянул ладонь для рукопожатия. — Онегин Станислав.

— Никита Красницкий. — Никита ответил крепким рукопожатием. Выдержал паузу, как бы невзначай посмотрел на часы. — Нам пора возвращаться на места.

Влада была готова расцеловать его за каждое слово.

— А мы уходим. — Брюнетка демонстративно зевнула. — Скука смертная.

Стас словно и не слышал последних реплик. Влада чувствовала его взгляд, жгущий лицо, словно открытый огонь. Она представила, как выглядит со стороны: спряталась за плечом Никиты, жметя к нему, словно Красная шапочка, сбежавшая от Волка, да еще и взгляд боится поднять. Если Стас рассчитывал на триумф — ему будет чем потешить свое эго.

— Ну пока, Неваляшка, — небрежно бросил он и не удержался от грязного плевка: — Хорошо вам оторваться после концерта, молодежь.

О да, Влада прекрасно поняла этот выпад. Вполне в духе того Стаса, которым она знала его раньше. Три года назад она, наивная девчонка, верила, что Стас мелет все подряд из-за

несдержанности и отсутствия воспитаний, и только когда случилось то, что случилось, у нее открылись глаза. Онегин всегда отдавал себе отчет в каждом произнесенном слове. Среди других знакомых Влады только он один умел бить так больно и метко, когда дело касалось его уязвленного самолюбия. Что ж, теперь она знает, что за три года эта его черта никуда не делась.

Она позволила Никите вести ее, почти не соображая, куда ступает. Просто механически, как заведенная игрушка, переставляла ноги вслед за его шагом. Заняла место в зале, посмотрела на сцену – и провалилась в свое личное пекло которое называлось «Я влюбилась в Онегина».

В день, когда они познакомились – если это так можно назвать – Влада заявила домой в самый разгар гулянки. Открыла дверь своим ключом и едва не задохнулась от густого запаха спиртного пополам с сигаретами. Потихоньку разулась, надеясь незамеченной проскользнуть в комнату и пересидеть там, пока парни разойдутся. Но дорогу сразу загородил какой-то незнакомый парень. Он посмотрел на Владу, хмыкнул, опрокинул в себя стопку «горькой» и недвусмысленно подмигнул. Влада не помнила, что говорила и как, но попытки сбежать закончились тем, что она угодила в хваткие лапы. Ситуацию спасло появление Димы – приятеля Артема по баскетбольной секции. Он уже прилично набрался, но был в состоянии узнать сестру приятеля и спасти от посягательств. Правда, ничего рыцарского в этом спасении не было, парни чуть не затеяли пьяную драку. Влада благоразумно не стала встречать в потасовку и, воспользовавшись случаем, сбежала в комнату. Точнее говоря, ввалилась в нее и заперла дверь на защелку. Только несколько секунд спустя сообразила, что не одна. До отвратительного сладкий приторный девичий голос потребовал «быстро свалить». Влада помнила, как задохнулась от такой наглости, развернулась на пятках и тут же покраснела от увиденного: девчонка лежала на кровати с расстегнутой блузкой и задранным лифчиком, рядом с ней, уткнувшись носом ей в шею, лежал парень: без футболки, с недвусмысленно расстегнутым ремнем. Девчонка возмущалась не зря – Влада сообразила, что появилась как раз в тот момент, когда парочка собиралась перейти к самому «горячему».

Девчонка стянула полы блузки, парень тряхнул волосами, перекатился на спину, представляя хозяйке комнаты свое лицо и тело.

Влада прекрасно помнила их первый взгляд глаза в глаза. Помнила, что сердцу потребовалось всего несколько ударов, чтобы она поняла – пропала. Девчонка, которую он только что едва не раскрутил на быстрый перепих, немного повозмущалась, оделась и ушла. А Влада так и осталась стоять в дверях, не в силах пошевелиться.

Вторая часть концерта прошла сквозь нее, не затронув ни души, ни сердца. После окончания, они с Никитой покинули зал. Он помог ей сесть в машину, но всю дорогу до дома они, не сговариваясь, хранили молчание. Влада боялась открывать рот, чтобы не спровоцировать его на неудобные вопросы.

На этот раз он подвез ее до самого подъезда.

— Мы же договорились быть осторожнее, - зачем-то сказала она.

— Договорились. И нарушили договоренность пару раз, если мне не изменяет память. Влада, что происходит?

— Может быть, зайдешь на чай? Родители уехали к приятелям на дачу, наслаждаются камином, морозом и шашлыком. Приедут завтра вечером.

Никита согласился.

Они жили в просторной четырехкомнатной квартире, куда переехали после скоропостижной смерти бабушки по отцовской линии. Старую «двушку» разменяли с доплатой на трехкомнатную, куда переехал Артем.

На новом месте Владе досталась просторная комната с балконом, откуда открывался вид на реку и парк. Со временем Влада обустроила балкон так, что он превратился в почти самостоятельную комнату, только маленькую и не слишком теплую в зимнее время.

Но главным украшением квартиры стала кухня. Огромная – отец любил шутить, что ее можно сдавать как «малосемейку» - облицованная деревом и обновленным паркетом. Все главные посиделки проходили здесь.

Влада заварила чай, приготовила чашки и нарезала ломтиками собственноручно испеченный банановый кекс. Никита снял пиджак и галстук, расстегнул верхние пуговицы рубашки и закатал рукава. Она впервые видела его без внешнего лоска, и не могла не признать, что Красницкий по праву считался университетским секс-символом. Он выглядел полностью расслабленным, как хищник на своей территории.

— Расскажешь, что произошло? — спросил он после того, как они исчерпали все формальные темы для разговора. — Тот парень... Кто-то из прошлого?

— Да, - не стала молчать она. Зачем? Никита взрослый мужчина со своим собственным багажом прошлого за плечами. Он не в том возрасте, когда упоминание бывших способно спровоцировать сцену ревности на грани расставания. — Он был другом Артема, и мы какое-то время встречались втайне ото всех. А потом я застучала его с какой-то девчонкой, и мы разошлись. Обычная история о пай-девочке, влюбившейся в плохиша.

«Которая даже после измены хватала его за руки и умоляла не бросать ее, не уходить» - про себя добавила она. Тогда ей, шестнадцатилетней девчонке, казалось, что без него она не сможет дышать, а просто ляжет и похоронит себя под тяжестью горя, боли и неразделенной любви. Она просила не бросать ее даже после того, как Стас в лицо бросил презрительное: «Да кому ты нужна? Малолетка». Помнила, как в тот вечер не смогла найти сил, чтобы скрыть от Артема причину своих слез. Помнила, как брат вернулся под утро: избитый и поцарапанный, со сломанным носом. Помнила, как он сказал: «Извини, что я его не убил, сестренка». Помнила, как через неделю как дура побежала к Стасу и узнала, что он уехал. Куда именно - его мать не сказала, зато щедро посыпала голову Влады проклятиями и пожеланиями всему семейству Егоровых гореть в аду.

— Мы не виделись много лет, я не ожидала встретить Стаса сегодня, да еще в таком месте. Он в жизни никуда кроме клубов не ходил.

— Ты выглядела совершенно расстроенной. До сих пор выглядишь, — уточнил Никита.

— Он часть моего прошлого. Увы, я не из тех людей, которые могут легко забыть и отпустить. — Она не собиралась юлить. Не сейчас и не с ним. Что он, в конце концов, о ней подумает, если она начнет невнятно мямлить какое-то мало похожее на правду оправдание. — Стас был моей первой любовью. — Для следующего откровения она набрала в легкие побольше воздуха. — Моим первым мужчиной. Мне понадобилось время, чтобы переварить тот факт, что он оказался засранцем. Много времени.

Ну вот, она обнажила свое прошлое. Честнее всего было бы сказать, что времени оказалось недостаточно, и сегодняшняя встреча материализовала ее самый большой страх — вновь попасть в зависимость к Стасу Онегину. Она обещала никогда не лукавить ни себе, ни окружающим. В первую очередь себе. И правда была такова, что, если бы Стас встретил ее раскаянием и предложением попробовать начать сначала, — она бы тут же забыла все обиды и бросилась ему на шею. Интересно, где проходит грань, отделяющая любовь от пагубной привычки?

— Иди сюда, — Никита подвинулся на кухонном диванчике и похлопал около себя.

Стоило Владе сесть рядом, он тут же обнял ее, а она, подчиняясь внутреннему порыву, забросила ноги ему на колени. Не самая удобная поза, учитывая длину платья, но она отчаянно нуждалась в защите его крепких жилистых рук. Никита расстегнул заклепку, одну за другой вынул шпильки из ее волос.

— Я знаю, что прошлое часто оставляет неизлечимые раны, — сказал он шепотом, как будто боялся, что их может подслушать единственный свидетель тайного свидания — полосатый кот по кличке Себастиан. — Главное не то, заживут ли они, главное — готова ли ты принять их и жить дальше. Извини за неудачное сравнение, но часто первая любовь как язва — она приходит и остается на всю жизнь, но будет ли болеть или лишь изредка напоминать о себе — целиком и полностью зависит от тебя.

Влада не смогла удержаться от смешка. Если разобраться, то Онегин действительно стал ее болячкой, которую как ни старайся — не вылечить.

— Извини, что испортила вечер. Все было замечательно.

— Ерунда, - отмахнулся он. — Мне бы хотелось, чтобы это было самым большим разочарованием наших отношений.

Он как будто собирался сказать еще что-то, но передумал, поджал губы. Влада же, поддавшись еще одному импульсу, отодвинула прядь с его лба, прошла пальцем по спинке носа, прикоснулась к губам. До чего же он хорош, этот сдержанный уверенный в себе мужчина. Почему она вообще разменивается на мысли о Стасе, когда рядом есть он, и его руки, теперь уже властно прижимающие ее к себе?

— Я был уверен, что смогу сдерживаться, - прохрипел он ей в губы. — Был абсолютно уверен.

В коротком глухом смешке она едва узнала себя. Никита потянулся к ней губами, а она запрокинула голову, дразня и играя. В его синих глазах появился блеск охотника, но он позволил продолжить игру. Первый легкий поцелуй угодил ей в подбородок, второй - в место за ухом. Но против третьего властного и горячего, ей нечего было противопоставить. Он запустил пальцы ей в волосы, притянул к себе и поставил жирную точку в игре. Его губы легли поверх ее рта. Секунда – и они разделили одно дыхание. Никита прихватил губами ее нижнюю губу, лаская и покусывая одновременно. Влада едва могла пошевелиться, едва понимала, существует ли мир за пределами его рук.

— Прости, - выдохнул он, с трудом разомкнув поцелуй. — Ты действуешь на меня, как крепкий коньяк.

Она собиралась сказать, что целиком одобряет такую реакцию, но их прервал звонок телефона Никиты. Едва глянув на экран, он помрачнел. Влада воспользовалась паузой, чтобы встать и под предлогом уборки стола отвернулась к раковине.

— Мне нужно позвонить. Не против, если я выйду в другую комнату? Ничего секретного, но обычно такие поздние звонки доводят меня до бешенства. А я, когда зол, говорю совсем не шекспировским языком.

— Конечно, нет проблем.

Она знала только одного человека, способного десятком

слов вывести хладнокровного Никиту из себя. Ольга, его бывшая жена, и, как подозревала Влада, его персональная незажившая рана на всю жизнь. Они никогда не обсуждали его прошлое, но кое-какие слухи по универу все-таки ходили. Например, что его жена была какой-то титулованной мисс местного разлива, и они разошлись на почве противоположных интересов. Он хотел семью и детей, она – блистать на подиуме и мотаться по миру. Сам Никита не распространялся, по какой причине не сложилась его семейная жизнь, но Влада несколько раз становилась невольным свидетелем звонков из его прошлого. Каждый раз он мрачнел, прощался и уходил. Чтобы на следующий день как ни в чем не бывало украдкой подмигнуть ей во время пары.

Она успела перемыть чашки, спрятать в холодильник остатки кекса и до громкого мурчания заглазить кота, когда вернулся Никита. В этот раз он был темнее тучи. Влада собиралась спросить, все ли в порядке, но вовремя сообразила, как глупо прозвучит вопрос. Да у него же все на лбу написано, к чему бросать дежурные фразы?

— Спасибо за угощение, - сказал он, перестав лохматить ладонью волосы. — Мне пора. Можешь не провожать.

Когда дверь за ним закрылась, Влада переложила кота на диван и потратила несколько минут, чтобы выбраться из платья. С точки зрения накала эмоций, день выдался тяжелым, и в ее душе царил полнейший бардак. Пока рядом был Никита, он, словно магнит, перетягивал на себя ее внимание и мысли, но стоило остаться одной – Стас Онегин целиком завладел ею. Он сказал, что вернулся давно? Какое неопределенное слово. Если подумать, после того разговора с его матерью, она больше не искала с ним встречи. Она приняла как данность, что Стас теперь недосыгаем, как тот айсберг из старой песни, и ей остается лишь смириться и кое-как наладить свою жизнь без него. А может быть, он отсутствовал всего несколько недель или месяцев, и если бы она не была так уверена...

Влада потрянула головой, гоня прочь бесполезные домыслы. Она пообещала себе, что станет сильной, что изменится. И если Онегин объявится на горизонте ее жизни, то на месте слабохарактерной девчонки найдет сильную девушку,

способную дать отпор его всесокрушающему обаянию. И хоть она ни сделала ровным счетом ничего, чтобы приблизиться к реализации задуманного, Стасу больше не удастся внести смятение в ее душу.

Глава четвертая: Влада

Первый официальный рабочий день в редакции «Пересмешника» не задался с самого утра.

И всему виной Мария Семеновна Ломова, преподаватель маркетинга, которая решила устроить студентам срез знаний за десять минут до конца пары. С чем-чем, а с маркетингом Влада, мягко говоря, была не в ладах, поэтому вложиться в отведенное время не получилось. Как и доброй половине группы. Но Ломова «сжалилась» и разрешила студентам дописывать в счет времени после занятий. Таким образом весь так тщательно распланированный график отправился прямиком коту под зад. Каких-то несчастных двадцать минут – и она опоздала на метро, после чего свободный вагон пришлось караулить еще добрых минут десять. Чтобы окончательно не испортить положение, остаток пути пришлось проделать буквально

галопом. Для человека неуклюжего это не могло не обернуться падением в лужу. В результате ее светлое пальто, джинсы, а заодно лицо и волосы покрылись грязными разводами. Пришлось заскочить в ближайшую закусочную и выпросить разрешение попасть в туалет. Умылась, истратила пачку салфеток, чтобы кое-как соскрести грязь с одежды – и того плюс еще десять минут. Так и набежало злосчастных полчаса сверх назначенного времени.

Секретарша смирив ее сочувствующим взглядом и шепотом сказала, что Его Величество не любит, когда опаздывают, и лучше бы ей назвать для получасовой задержки крайне убедительную причину, а лучше две. А то и три. После этого Влада окончательно сдулась и в кабинет зашла уже морально подготовленная схлопотать «неуд» с последующим предложением убираться с концами.

Его Величество, Николай Александрович Павлицкий, восседал во главе массивного стола из светлой породы дерева и с головой ушел в чтение целой кипы бумаг. Влада поздоровалась и едва ли не шепотом сообщила, что опоздала из-за учебы, но приложит все силы, чтобы впредь подобного не допускать. Его Величество и ухом не повел. То есть он как будто вообще не заметил постороннего присутствия. Влада подождала несколько минут, а потом кашлянула в кулак. В душа затеплилась надежда, что ее работодатель на ближайший месяц так увлекся, что не уследил за часами, и ее опоздание окажется незамеченным. Но его ответная реплика не оставила от надежды камня на камне.

— Владислава, мне отрекомендовали вас как человека ответственного и серьезного, достойного пополнить ряды нашего сплоченного коллектива профессионалов. И что же я вижу? Опоздание. – Он посмотрел на массивный хронограф, вроде тех, которые рекламируют в мужских журналах.

— Мне нет оправданий, - охотно согласилась Влада. Ведь на собеседовании именно тема пунктуальности и выполнения работы в срок обговаривалась больше всего.

— Рад, что вы так критичны к себе, но мне от вашего сожаления ни жарко, ни холодно. Вы же понимаете, Владислава, что сейчас резко упали в моих глазах.

Она лишь покорно кивнула. Еще бы не понимала. Что за невезение? Что-то подумает Никита, когда узнает, как мастерски она перечеркнула его рекомендации. Ведь он узнает? Или нет?

— Я могу лишь сказать, что со статьями подобных задержек не будет, - стараясь говорить как можно убедительнее, пообещала она. — В университете...

— Меня вообще не интересуют ваши университетские отметки, - перебил Павлицкий. - Вы знаете, чем хороший журналист отличается от посредственного?

Она знала, потому что на собеседовании он повторил это раз сто.

— Хороший журналист успевает опубликовать новость первым, - повторила Влада его же слова, чем заслужила что-то похожее на тень одобрения.

— Если бы речь шла о каком-нибудь горячем материале, ваше опоздание стоило бы «Пересмешнику» рейтинга. Нет рейтинга — нет хлеба с маслом. Не издание делает людей, а люди — издание.

Влада энергично кивала в унисон его словам. Она бы и черта лысого поцеловала, лишь бы убедить Павлицкого своим раскаянием.

— Надеюсь, Владислава, этот инцидент будет последним в нашем с вами сотрудничестве. И чтобы вы понимали, что я не шучу, предупреждаю — в свое следующее опоздание лучше сразу приходите с заявлением об увольнении.

— Я сделаю все, чтобы сегодняшнее не повторилось. — Получилось излишне эмоционально, но на радостях, что все в итоге закончилось хорошо, она едва сдерживалась, чтобы не прыгать до потолка.

Его Величество, наконец, смягчился. Во всяком случае именно так Влада расценила его едва заметную улыбку.

— Вот, - он бросил на край стола перетянутую резиновыми держателями пластиковую папку. — Информация и пресс-релизы всех предстоящих выставок, театральных постановок и кинопремьер. Мой вам подарок по случаю первого рабочего

дня. Жду от вас исчерпывающего материала обо всем сколько-нибудь годном. В дальнейшем находить информацию будете сами. Надеюсь, к этому времени вас в вашем университете успели научить, как это делается.

Она опять кивнула. Еще немного – и точно превратится в китайского болванчика.

— Свободны, - бросил он, уже с головой окунувшись в чтение какой-то распечатки. Влада успела заметить, что он то и дело что-то энергично черкает.

Она вышла, тихонько затворив за собой дверь, и, наконец, смогла перевести дух. Ну вот, на первый раз, можно сказать, отделалась легким испугом. Да и выволочку получила заслуженную. Павлицкий прав, если бы речь шла о каком-то важном мероприятии, и из-за ее опоздания материал перехватили конкуренты – пострадало бы все издание. Нужно еще раз скорректировать свое расписание и где-то выкроить лишних полчаса на дорогу от универа до издательства. Его Величество точно не шутил, когда сказал, что в следующее опоздание вышвырнет ее под зад ногой. И будет совершенно прав.

— Сильно попало? – На нее уставились полные трагедии синие глаза секретарши. Она же услужливо протянула стакан с минералкой.

— Не очень. – Влада взяла стакан, сделала глоток и вернула с благодарной улыбкой.

— Он вообще хороший мужик, на нем весь «Пересмешник» держится, - шепотом, как будто разглашала расстрельный государственный секрет, сообщила девушка. – Но иногда бывает просто невыносимым. Он сейчас того... разводится. Бывшая его нервы на оголенные провода наматывает. Вот и бесится.

Влада приняла к сведению. Чужая личная жизнь – это всегда чужая личная жизнь. И в чужое грязное белье, как правило, суют нос те, у кого полный штиль на собственном фронте, а языком почесать хочется.

Офис журнала представлял собой огромную комнату или, скорее, зал, хаотично заставленный столами. Справа и слева за

приоткрытыми дверьми виднелись коридоры. Что там пряталось- Влада не знала. Был и еще один, прямо за спиной, откуда она пришла.

— Я – Настя, - представилась секретарша. – Ко мне можно на «ты». Я ничего не соображаю в журналистике, но умею готовить кофе и заваривать чай. А еще он любит мою морковную шарлотку.

— Влада. Где мой стол?

— Выбирай любой свободный. – Настя сделала широкий жест рукой, как будто столы были ее личной собственностью.

— А как я узнаю, что он свободен? – После беглого осмотра Влада не заметила ни одного свободногоот какого-нибудьхлама стола.

— По пустой корзине, - поделилась секретом секретарша.

Влада поблагодарила и пошла вдоль нестройного ряда столов. Одни стояли боком, одни – «спинами» друг к другу. Другие вообще загораживали проход. Какой-то прыщавый парень с жиденькой бородашкой соединил два стола и, словно осьминог, ухитрился работать за двумя компьютерами одновременно.

Прыщавый на минуту отвлекся от своего занятия, окинул ее изучающим взглядом.

— Новенькая?

— Ага.

— Серега, - он протянул сухую, с узловатыми пальцами ладонь. Но вопреки ожиданиям, рукопожатие оказалось крепким. – Занимаюсь версткой и дизайном, на полставки калибрую сайт, и на личной инициативе иногда заставляю эту рухлядь, - он постучал по верхнему бортику монитора, - работать быстрее.

На взгляд Влады техника в редакции была боле, чем отличная. Плоские мониторы, почти на каждом столе – МФУшка, телефон. Но для нее все, что годилось для работы с текстовым редактором и серфинга интернета, подходилои для работы. Кто знает, что подразумевает Серега, называя вполне

годную технику – «рухлядью». Может быть, он геймер? Она слышала, что для этих ребят все, что не стоит заоблачно дорого и эксплуатируется более года – не стоящий доброго слова мусор.

— А я буду стажером. Не подскажешь, там свободно?

Она указала на треугольный стол позади него. Почти вся столешница была завалена кучами бумаг, отрывками газетных и журнальных вырезок, разноцветными клейкими стикерами и даже обертками от мороженого со следами засохшего шоколада. Кем бы ни был владелец стола, он явно не отличался аккуратностью. Зато стол стоял рядом с большущим окном, через которое открывался чудесный вид на главную улицу города. Ну и разумеется мусорная корзина рядом – она пустовала.

— Уже свободно, - ухмыльнувшись, сказал Серега. – Хозяин получил от Павлицкого по мордасам. Фигурально выражаясь. – поспешил пояснить он. – А ты молодец, знаешь, где местечко получше. Мой тебе совет – пристраивай поскорее свою задницу на тот табурет, потому что тут устроили настоящий тотализатор, кому достанется свободная койка.

Влада так и поступила: обогнула стол компьютерщика и с торжественным видом поставила сумку на стул.

— Ты проиграл, Лужин, - выкрикнул Серега и сдобрил слова неприличным жестом.

Влада проследила за его взглядом. Слова адресовались белобрысому парню лет двадцати. Волосы он явно подкрашивал. В ушах «Лужина» красовались массивные тоннели, на лице было проколото почти все, что можно проколоть, шею опоясывала татуировка в виде шипастого ошейника. Ничего себе экземплярчик!

Пирсингованный ответил точно таким же неприличным жестом и отвернулся к монитору.

— На что спорили?

— Лужин решил, что ты выберешь тот стол, что справа от него. Он у нас типа звезда, Казанова местного разлива. Обычно девчонки сразу садятся поближе к нему.

— А если места заняты?

— Ждут, пока появятся свободные. Вообще тут целая схема, как очередь в булочной. Приходит девчонка, садиться поближе к этому сукиному сыну, пару дней он ее окучивает, потом секс-любовь-морковь, потом загул, потом трагедия, слезы, истерики – и пинок под зад от Главного. Как только соперница удалилась – место переходит к следующей в очереди.

— Я все слышу, - перекрикивая писк звонящего телефона, сообщил Лужин. – Будь моя воля – я бы натолкал тебе в рот ссанных тряпок и зашил. Чтобы научился помело использовать по назначению.

— Какие-то проблемы? Я ввожу девчонку в курс дела, чтобы не вляпалась в дерьмо в первый же рабочий день.

Лужин демонстративно надел массивные наушники. Серега пожал плечами.

— Кто предупрежден – тот вооружен. Хотя обычно это все равно не действует. Павлицкий держит его потому что у этого парня целая куча знакомых по всему городу, прямо какая-то гребаная сеть информаторов как у того лысого толстяка из «Игры престолов». И он еще ни разу не лажанулся. Везучий сукин сын.

Влада не стала говорить, что в везение никогда не верила. Если человек что-то делает лучше других, это значит, что он больше старается. А лентяям просто удобнее думать, что всему виной какое-то мифическое везение.

— Кстати... - Серега откатился в кресле к дальней части своего «полигона», забарабанил по клавишам. – Ты птица свободная или как?

— Или как.

— Вот хрень-то, - разочаровано ругнулся прыщавый и полностью повернулся к ней спиной. – Если будут проблемы с техникой – обращайся.

— Спасибо, буду иметь ввиду.

Влада скинула пальто, благо, платяной шкаф был поблизости и там нашлась пустая вешалка. Нужно не забыть

найти какую-то химчистку поблизости. Она достала увесистый новенький ежедневник и тут же столкнулась с проблемой – куда его положить? Куда деть эту кипу бумаг? Есть ли среди них что-то архи-ценное, что она по неосторожности выбросит вместе с общей кучей?

— Сгребай прямо в мусорный пакет, Аллочка приходит к четверем, захватит и этот хлам.

Напротив нее, словно джин из бутылки, материализовалась высоченная и крепкая, как легкоатлетка, молодая женщина. Она изучала новенькую поверх спущенных на кончик острого носа квадратных очков. Короткая стрижка, спортивный стиль одежды. Ведущая спортивной колонки? Выглядит именно так.

— Тут точно нет ничего важного? – недоверчиво уточнила Влада.

— Уверена. Разве что считать за ценность свинство, которое оставил Малышев. Бывают же люди – живут себе в грязи, хрюкают и чихать они хотели на остальных.

С этим замечанием Влада была согласна. Она не была заскорузлой чистюлей, и оставленная до утра грязная посуда не мешала ей уснуть, но грязь и хаос вызывали в ней немедленно желание схватиться за тряпку и пылесос.

— У Аллочки в подсобке есть перчатки. На твоём месте я бы не рисковала притрагиваться к этой гадости голыми руками.

— Подсобка? – Влада повертела головой.

— Левая дверь, - бросила «спортсменка» и удалилась, даже не назвав своего имени.

Ну и ладно. Спасибо за совет насчет перчаток.

Подсобка оказалась внушительных размеров помещением, заставленным различным бытовым инвентарем, пластиковыми контейнерами с мылом, моющими средствами и порошками. Отдельно стояли целые упаковки туалетной бумаги и бумажных полотенец. В дальнем уголке поблескивал любовно вымытый солидный пылесос. Точно не из дешевых. В общем, уборщице наверняка было не на что жаловаться. Влада осмотрелась в поисках перчаток и нашла их в отдельном пластиковом мешке. Она выбрала желтые, длиной до самого

локтя. Заодно прихватила полироль и салфетку для чистки поверхностей.

— Ты меня опять преследуешь, Неваляшка?

От неожиданности руки предали ее - и все набранное добро грохнулось к ногам.

Господи, она что, бредит? Онегину неоткуда взяться здесь, в редакции газеты.

Но это действительно был он. И пока Влада соображала, каким ветром его занесло в «Пересмешник», успел потеснить ее внутрь, войти и закрыть за собой дверь. Пальцы Влады снова предательски задрожали, в голове зашумело от его стремительно распространяющегося по подсобке запаха лосьона после бритья.

— Стас?.. — Ему просто неоткуда тут взяться, и все же — это точно он.

— Так ты меня все-таки преследуешь?

— Я не понимаю, о чем ты, - справившись с чувствами, ответила она.

Онегин осмотрел помещение, в котором оказался, присвистнул.

— Подрабатываешь техничкой?

— Я здесь стажируюсь. — Бесполезно объяснять, почему она оказалась в подсобке. Куда важнее, чего ради он здесь околачивается. Стас учился вместе с Артемом на факультете IT-технологий, но по другой специальности, но закончил ли учебу — Влада не знала. После того, как парни начистили друг другу физиономии, на разговоры об Онегине и всем, что с ним связано, Артем наложил табу. — Буду благодарна, если позволишь мне выйти и заняться тем, ради чего меня взяли в штат.

— Обязательно, как только мы кое-что проясним.

— Разве у нас есть какие-то незакрытые вопросы?

Вместо ответа он зачем-то взял с полки рулон бумажных полотенец и несколько раз подбросил в воздухе. Подсобка,

минуту назад казавшаяся просторной, стремительно уменьшалась. Как будто появление Стаса спровоцировало запуск сдвигающей стены механизма.

— Я пришел по поводу интервью со мной. — Он оставил полотенца в покое и выудил откуда-то из-за спины свернутый вдвое журнал. Постучал им по раскрытой ладони. — Тут написана полная ахиня. Почитать, так я какой-то мажор, который в жизни в руки ничего тяжелее своего члена не брал.

Он говорил так зло, что у Влады почти взаправду зачесались пальцы от желания сграбастать журнал и почитать изобличающую статейку. Но она напомнила себе, что дала зарок больше не «залипать» на Онегина, каким бы красивым ни сделали его прошедшие годы. Надо же, он проколол ухо в трех местах: два раза мочку, где теперь красовались две сережки-пусеты, инкрустированные черными камнями лаконичной квадратной огранки. Выше ушной хрящ пересекала вертикальная серебряная «штанга». Влада помнила, как он всегда посмеивался над ее страхом боли. На нем-то все заживало как на собаке, а вот на ней даже пустяшная царапина могла превратиться в настоящую катастрофу, требующую хирургического вмешательства.

Влада покраснела, вспоминая, как увязалась за ним в тату-салон, и как сидела тихой мышью в углу, зачарованная процессом нанесения рисунка на его кожу. А потом он поманил ее свободной рукой, притянул спиной к своей груди и устроил голову на плече. «Не шевелись, Невалюшка, давай просто посидим так», — сказал он тогда. И она не шевелилась, боясь разрушить момент полного безоговорочного счастья.

— Ты ошибся дверью, — сказала она, одновременно с попыткой выйти.

— Я увидел знакомую попку и понял, что не могу пройти мимо, — сказал Стас запросто, как будто речь шла о встрече школьных приятелей.

— Увидел? Я могу быть свободна? Извини, мой первый день и так начался не лучшим образом. Если меня застукают в подсобке за битьем баклуш, будет катастрофа. Была рада повидаваться.

Он нахально перегородил рукой дверь, вынуждая Владу отступить.

— Как поживаешь, Неваляшка?

— Хорошо. — Он что, намерен вести светскую беседу среди швабр и чистящих средств?

— Хорошо — и все?

— Я не понимаю, что ты хочешь услышать? — Влада все-таки посмотрела ему в глаза. Ох уж этот взгляд, совершенно непроницаемый, дьявольский. Однажды она уже совершила глупость, позволив ему растерзать в клочья ее внутренний мир. Во второй раз этому не бывать. Даже если это снова и снова ранит ее сердце, она сумеет противостоять. — Я была влюбленной девчонкой и не давала тебе проходу, потому что верила, ты — мой единственный. Спасибо, что проявил участие и разбил те розовые очки. Seriously, мне очень стыдно за прошлое. За все, что случилось потом. — Она сглотнула. Нужно собраться, закончить мысль и расставить все недостающие точки над «i». И отпустить прошлое, избавиться от глупой девчонки, верящей, что нашла своего Принца. — Если бы в моей власти было изменить случившееся, я бы многое переиграла, но это невозможно. Поэтому, если не возражаешь, предлагаю устроить взаимный экзорцизм призракам нашего общего прошлого и разойтись, чтобы больше никогда не встречаться.

— Думаешь, все эти три года я спал и видел, как бы услышать от тебя эту напыщенную херню? Спать не мог, мучился без твоего отпущения грехов?

Она вздохнула. Стас обладал исключительной способностью трактовать слова окружающих как ему вздумается.

— Что ты от меня хочешь? — Влада надеялась услышать прямой ответ на свой такой же прямой вопрос.

Стас сжал челюсти, пошарил взглядом вокруг себя, как будто пытался найти что-то, что могло бы стать заменой боксерской груше. Во всяком случае именно так Влада трактовала его взгляд. И, если быть до конца откровенной, у Онегина были причины таить на нее обиду, ведь именно она

стала камнем преткновения, об который сломалась их с Артемом дружба.

— Хорошо притворяешься, Егорова, - наконец, сказал он. Довольно сдержанно, учитывая откровенную злость на его лице.

— Притворяюсь? Если ты о том, что вы с Артемом разругались, то мне очень жаль.

— Артем? – Стас издал колющий смешок. – То есть потвоему наш с Артемом мордобой – самая большая проблема, которую создали твои сопли?

Влада едва не поддалась желанию заткнуть уши. Знаменитая крылатая фраза о том, что время лечит, сейчас звучала насмешкой. Вероятно, в мире существуют счастливчики, которым повезло забыть и залечить, но ее собственные раны с каждым словом Стаса кровоточили все сильнее. Так уже было однажды, и тот печальный опыт показал, что подобные нормальные проявления девичьей слабости превращают его в настоящее беспощадное чудовище.

Но не сейчас. Пусть и маленькими шажками, но эти три года она шла от него, а не стояла на месте. Будет очень глупо дать Стасу повод думать, что он все так же может растоптать ее.

— Мне нужно идти работать, - стараясь выдержать тон голоса максимально холодным, сказала Влада и отвела в сторону его руку.

Он на удивление легко поддался и даже отступил в сторону. Влада мысленно приготовилась к обязательному подвоху, но его не последовало. Она уже положила ладонь на ручку, когда Стас просил:

— Ты что, действительно ничего не знаешь?

— Не знаю, чего?

Она сделала глубокий вдох, уговаривая свои истерзанные нервы потерпеть еще немножко. Стас – он как колючка в пятке. Можно ее не вытаскивать, чтобы не разбередить болезненную рану, но тогда она с каждым днем будет болеть все сильнее, и неизвестно во что превратиться через несколько недель. А можно один раз перетерпеть, чтобы позволить ране потихоньку

заживать. Раньше она жила с болью, радуясь, что ей хотя бы хватает смелости признать зависимость от нее. Но появление Стаса все перевернуло с ног на голову. Если они и дальше продолжать натекать друг на друга в огромном густозаселенном мегаполисе – смех, да и только! – то нужно сделать так, чтобы он больше не мог ужалить ее.

— Твой отец пригрозил моему раздуть скандал вокруг того, что его двадцатилетний сын совратил малолетку, - сказал Стас совершенно холодным, бесцветным, почти механическим голосом. — Ты же помнишь, что тогда было, да?

— Предвыборная кампания, - на автомате ответила Влада.

— Твои сопки разрушили карьеру моего отца, уложили мою мать с инсультом, Неваляшка. Все потому что ты решила держать меня за ручного щеночка, хотя я с самого начала предупреждал – мне на хрен не нужны отношения помимо секса. Но тебе же хотелось ручного Стаса, да? Хотелось вернуть меня любым способом.

Влада ощутила, как какая-то невидимая крепкая рука ухватила ее за шиворот и что есть силы встряхнула, словно старательная хозяйка – коврик после визита не слишком чистоплотных гостей. В голове зашумело, мысли запутались в тугой, безнадежно запутанный клубок. Чтобы не упасть, пришлось ухватиться за первое, что нащупала ладонь – стойку металлического стеллажа.

— Вижу, ты и правда была не в курсе, - все тем же механическим голосом озвучил свой вывод Стас.

— Нет. Не была. - Язык предательски прилипал то к верхнему, то к нижнему небу, слова комкались и превращались в неразборчивый набор звуков. Как бы ей пригодился глоток хоть чего-нибудь? Фляга с белой жидкостью без опознавательных знаков и этикеток манила припасть к своему не слишком чистому горлышку. — Я не верю тебе. Ты просто пытаешься сделать мне больно. Снова и снова. Ну и у кого из нас болит сильнее? Что с тобой не так, Онегин?

— У меня ничего не болит, Неваляшка. Впрочем, ты всегда любила придумывать то, чего нет, и сама охотно в это верила.

— Никто не знал о нас. Я помню... твое условие.

— Хочешь сказать, я все придумал? Нашел повод очернить бедную деточку?

— Никто. Ничего. Не знал, - по словам повторила она.

— А Артем пришел ко мне разбираться просто так?

— Артем... - Да, брат был единственным, кто увидел ее после последнего разговора со Стасом. Но он пообещал, что никому не скажет, тем более – родителям. – Но он бы ни за что не сказал отцу.

— Я сам это слышал, Невалышка. И сам видел твоего папашу, когда он ввалился к нам в дом с угрозами.

— Это какая-то ошибка, я уверена.

Глупо. Нелепо. Но – это было единственное, что Влада смогла противопоставить такой откровенной лжи. Ее отец не святой, и его, как и любого человека, можно обвинить во множестве грехов и недостойных поступков, но он никогда бы не опустился до шантажа. Ведь именно он учил их с Артемом не искать легких путей, наставлял, что честный путь самый тернистый и непредсказуемый, и рискнувших пойти по нему ждет множество соблазнов. Но только тот, кто не поддастся ни одному и своим лбом, и сцарапанными коленями прочувствует все препятствия, сможет почувствовать вкус настоящей Победы. Невозможно чтобы человек, так рьяно отстаивающий эти догматы, нарушил их самым гнусным образом.

— Ошибка, - повторил за ней Стас. – Ошибка, значит. Ошибка – это ты!

Он неожиданно оказался так близко, что Влада инстинктивно зажмурилась и вжала голову в плечи. Что такое крепкий удар кулаком в лицо она знала не понаслышке, и хоть к Стасу эта история не имела никакого отношения, именно воспоминания о ней выступили на первый план.

— Черт, да что с тобой такое?! За кого ты меня принимаешь, Невалышка? За гребаного подонка, способного поднять руку на девушку? Ты мне противна и, если б я мог, то отослал тебя в другой конец Вселенной. Или сам бы свалил туда. Быть может хоть тогда бы избавился от мерзкого ощущения, что мы дышим одним воздухом – и я ни хрена не

могу с этим поделаться. Но я скорее отрежу себе руку ржавой пилой, чем прикоснусь к тебе хоть пальцем – во всех, мать его, смыслах этого слова.

Ноги подкашивались. Хотелось сесть, закрыть уши руками и заглушить беснующиеся в голове гаденькие голоса, которые прочили тяжелый разговор со всем семейством Егоровых. Благополучным, как она думала.

— У тебя появилась тема для разговора со своим расчудесным семейством, Неваляшка, - словно прочитав ее мысли, сказал Стас.

— Уходи, - сквозь зубы прошипела она. – Убирайся вон, Онегин.

— К счастью, Неваляшка, я, на хрен, не обязан тебя слушаться.

— К счастью, Онегин, я тоже не обязана выслушивать твоё вранье!

— Ого! – Его непроницаемые черные глаза блеснули злым азартом. – Неваляшка научилась выпускать коготки?

— Ты забыл, что Неваляшка всегда поднимается, - глядя прямо ему в лицо, ответила она.

Это было больно. Смотреть на человека, который был ее вселенной, ради которой – если бы только попросил! – она пошла бы хоть за луной. Но он не захотел. Стас стряхнул ее с себя, словно какое-то приставучее насекомое. Этого унижения она никогда себе не простит, но, вероятно, так было нужно, чтобы идти дальше. По крайней мере тогда у нее не осталось иллюзий насчет того, можно ли было что-то исправить. А сейчас нет ни единой иллюзии насчет того, что он – не тот мужчина, ради которого стоит рвать сердце.

— Я не забыл, что уложить Неваляшку на спину было очень увлекательно, - напирая на нее, произнес Стас.

— А я – забыла.

— Ты все та же чертова лгунья, Неваляшка.

— А ты все тот же напыщенный придурок.

Он выгнул изуродованную шрамами бровь – и без труда перехватил ее занесенную для пощечины ладонь. А потом дернул, буквально вколачивая в себя ее дрожащее от злости и обиды тело. Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга, пикируясь взглядами, словно воображаемые черный шахматный король и белая шахматная же королева.

— Ты обещал отпилить себе руки, лишь бы не притрагиваться ко мне, - напомнила Влада. И даже голос не дрогнул, хоть колени предательски дрожали.

На секунду на лице Стаса мелькнуло удивление, как будто она напомнила выдуманное абсурдное признание, а не только что сказанные им же слова.

— Отпусти меня, Онегин, и иди окучивать очередную бабенку. Вперед, выбери любое имя в своей телефонной книге, позвони и скажи свое коронное: «Хочу тебя отыметь прямо сейчас».

— Мое коронное: «Хочу тебя трахнуть прямо сейчас», - поправил он, продолжая ухмыляться. – Помнится, Неваляшка, тебе жутко заводили грязные словечки в постели. Ты так мило смущалась. Настоящий домашний цветочек.

Влада сглотнула, когда его губы оказались так близко, что ноздри втянули запах его кожи. Рука Стаса жестко вцепилась ей в бедро, потянула вверх, вынуждая вставь на цыпочки.

— А еще краснела, когда чувствовала мой стояк, - не унимался он.

Искушение забыться было слишком велико. Это же Стас: ее идеальное, будто вылепленное из снов воплощение мужчины. Его жесткая улыбка, косые лучики усталости вокруг глаз, длинная, падающая на глаза челка. И волосы у него жесткие – ее пальцы до сих пор помнят.

«Если он тебе еще раз сломает – ты уже никогда не поднимаешься, Егорова».

— Мне просто не с кем было сравнивать, Онегин, - проговаривая четко по словам, ответила она. – Легко быть королем в постели девственницы.

Его взгляд стал убийственно колючим.

— Пай-девочка набралась опыта? — Он бы сжег ее словами, если бы такое было возможно. — Со своим преподом, да? Как думаешь, что об этом скажут в универе? Кто из вас вылетит первым?

Откуда?.. Хотя, какое это имеет значение?

— Копаешься в моем прошлом?

— Только начинаю и нахожу это крайне занимательным.

— Тогда смотри внимательно, потому что там написано огромными красными буквами: «Иди к черту, Стас Онегин».

Он все-таки отступился — и Влада потихоньку перевела дыхание. Вот так, кажется, этот раунд будет за ней. Может быть теперь ему надоест к ней цепляться, и он найдет другое развлечение? Пожалуйста, пусть так и будет.

— Еще увидимся, Неваляшка, - кисло бросил Стас, совершенно потеряв запал. — Честно говоря, я надеялся, что вчерашняя встреча будет последней. Но раз судьба снова свела нас, и ты прямо-таки напрашиваешься на порку, я не могу не воспользоваться таким подарком.

— Просто уйди, - повторила Влада. Еще хоть два слова — и она рухнет. Обнажит слабость, подставится под его злость свою душу. Можно обмануть весь мир и, теоретически, можно обмануть даже Стаса, но саму себя не провести вокруг пальца. — И оставь меня в покое. Ты больше не мое «все». Ты больше даже не мое прошлое. Ты просто имя, которого нет в списке моих контактов.

На этот раз не пришлось просить дважды. Вместе с громким хлопком закрывшейся двери она услышала призрачный скрип двери воображаемой. Двери в прошлое, которая только-что открылась и выпустила на свободу целый ворох тайн и секретов.

Глава пятая: Стас

Проклятье!

Он сам не заметил, как вылетел из редакции, напрочь забыв, зачем туда приходил. Дурацкое интервью, в котором перекрутили почти каждое его слово, выветрилось из головы. Эту проблему он обязательно решит и сделает так, чтобы та обиженная девчонка пожалела о том, что не смогла остаться профессионалкой. Прийти к нему домой, задать пару дурацких вопросов, дать себя поиметь – и уйти. Так они договаривались. Но девчонка начала названивать. Целый, мать его, вечер и весь следующий день, пока он не взял трубку и, не слишком стесняясь в выражениях, еще раз обозначил, что она была всего на раз. Через неделю он увидел результат ее «обиды»: целый долбаный разворот.

«Разберись с этим, Онегин, - сказала Аня – его теперешняя и постоянная подружка. Единственная, кому удалось задержаться рядом на целых полгода. – Такие вещи не должны звучать громко».

Догадывалась ли она о том, что он периодически уходит в загул? Определенно догадывалась, хоть за руку не ловила. Но они оба знали, что отношения – это не только хороший секс, которого, к слову говоря, именно с Аней-то и не было. Они рассчитывали на взаимовыгодное сотрудничество. Партнерские отношения – почти идеальные, как ни крути.

И вот кого же он увидел снова? Владу - собственной персоной. Неваляшку.

Что это за херня? И именно там, где он меньше всего ожидал ее увидеть. И самое главное – в компании взрослого мужика. Как потом оказалось – на приличное количество лет старше ее.

И вот опять – сегодня.

Хотелось курить. Никогда за последние годы его так сильно не тянуло к сигарете, как сейчас. Он бросил, завязал. С головой окунулся в спорт, в учебу, в раскрутку себя самого. Так было легче и проще пережить то, что произошло в тот вечер. Переварить... многое.

Его «Гелендваген», припаркованный на противоположной стороне обочины, всегда становился предметом пристального интереса. Вот и сейчас: стайка гламурных, крашенных в какие-то

химические цвета девиц, шарила по сторонам голодными взглядами в поисках владельца этого «монстра».

Он вдохнул морозный воздух, собрался с мыслями.

Неваляшка снова вывела его из себя. Ей это всегда удавалось. Эта малолетка даже в шестнадцать знала, как пролезть в душу и внушить чувство вины.

Внедорожник «моргнул» фарами, когда Стас снял его с сигнализации. Девуцы продолжали стрелять взглядами, но Стас даже не повернул в их сторону головы. К черту их всех! В жопу все!

Он сам не заметил, как подъехал к спортивному комплексу. Как механически переоделся. Кажется, даже кивал знакомым, бросал что-то в ответ на дружеские подшучивания.

Он измотал себя до изнеможения, пока в мышцах не осталось ни капли энергии. Зато чувствовал себя охренительно-огромным накаченным ублюдком.

— Что у тебя стряслось, мужик? — Денис, местный тренер и по совместительству его давний приятель, подсел к нему, когда Стас обессиленно плюхнулся прямо на пол. — Ты себе горишь всю программу.

— Тяжелый день, - отмахнулся Стас.

— Снова встречался с отцом?

Он отрицательно качнул головой. Вот еще отца и не хватало, чтобы жизнь окончательно превратилась в трэш.

— Слушай, старик, это, конечно, не мое дело, но ты давай разбирайся с этой хренью, потому что «железо» - это панацея для тела, а не для мозгов.

Кто бы сомневался, что Денис скажет что-то подобное.

— Все в порядке, - Стас поднялся, стащил через голову насквозь мокрую футболку. — Я в душ.

В телефоне было три пропущенных вызова: два от Ани и один от сестры. И два десятка электронных писем - все по работе. Целая куча заказов. И три «горячих», как говорится, сегодня на вчера. Если он возьмется за них, то получит...

Телефон зазвонил снова, и на экране появилось имя «Аня».

— Куда ты пропал? — как всегда без приветствия и поделовому спросила она. Шум на заднем фоне подсказывал, что Аня как всегда на какой-то тусовке. Она это называла «налаживанием контактов и поиском полезных связей». — Я нашла одного человека...

— Нет, - пресек он ее обычную попытку вовлечь его в свою систему жизненных координат. Достаточно того, что они встречаются, спят вместе и не лезут в душу друг другу. — У меня хватает клиентов. Хватит лезть в мою работу. Мне кажется, мы это уже обсуждали.

— Если у тебя что-то стряслось, это еще не значит, что нужно быть таким засранцем, - огрызнулась Аня. — Перезвони, когда остынешь.

Он просто нажал на «отбой». Она перезвонит сама. Самое позднее — завтра. Сделает вид, что сегодняшнего разговора не было. Потом они будут трахаться, не очень долго — ведь она вечно куда-то спешит, и у нее даже секс вписан в план в ежедневнике.

«Ты больше не мое «все»».

— Да кому ты нужна, - зло прошептал он в ее испуганные глаза, которые стояли перед его мысленным взглядом.

Она так вжала голову в плечи, как человек, который знает, что такое удар. Что с ней случилось за три года? Откуда этот страх? Кто-то... бил ее? Абсурд, семейка Влады никогда бы не позволила такого. Чего стоил хотя бы Артем в тот вечер, когда они перестали быть друзьями?

Телефон тренькнул снова. На этот раз звонила Алина. Стас нахмурился, пытаясь вспомнить, кто это. Кажется, барменша из «Джунглей»: эффектная деваха с ногами от зубов и полным «четвертым». Она шикарно сосала — как никто и никогда, заглатывала как чертов удав.

«Вперед, Онегин, вот твое избавление от херни в башке», - подстрекал внутренний голос.

«Ты больше не мое «все»».

Он просто вырубил телефон и зашвырнул его куда-то на заднее сиденье.

Глава шестая: Стас

Три года назад

Все было хуже некуда.

Все разваливалось прямо на глаза. И везде была одна только ложь.

На прошлой неделе он увидел отца в ночном клубе с девицей около двадцати: она, не стесняясь, вертела перед ним задом и давала себя лапать. И вот только что – мать. Ее подвез домой какой-то сопляк - его, Стаса, возраста! И то, как они чуть не в глотку друг другу языки засунули, было настолько отвратительно, что он не удержался. Просто дождался, пока она зайдет в дом, а потом вышел – и за шиворот вытащил мудака из машины. Кажется, избил его так сильно, что на том места живого не осталось. Выбитые зубы хрустели под подошвами кроссовок, но Стасу было все равно. Он бы убил засранца, но смог остановиться в последний момент.

Бросил рюкзак с вещами куда-то под ноги, в последний раз посмотрел на кованые ворота дома и побрел, сам не зная куда. Прямо под дождем: еще по весеннему прохладным и колючим.

Стас не помнил, где бродил весь день. Промок до нитки, но все равно горел. Выбросил в мусорный бак дорогую куртку, туда же последовала и футболка. Все время звонил телефон. А он все время сбрасывал, даже не глядя. Плевать, говорить не с кем и не о чем.

А потом ноги сами привели его к подъезду дома Егоровых. Дома, где ему всегда было уютно и спокойно. Мать Артема вечно что-то пекла: пироги, ватрушки, сотни сортов блинчиков и печений. Он постоянно отнекивался от ее попыток сунуть ему парочку «на дорожку», но эта маленькая худенькая женщина всегда была убедительной.

Стас посмотрел на окна – темно. Потом на экран мобильного. Почти одиннадцать ночи. Спят?

А, проклятье, сегодня же суббота и Артем говорил, что они уедут на дачу. С приходом весны Егоровы всегда «врубали» режим огородников, хоть Стас никогда не понимал для чего им это. Егоров-старший был известным преуспевающим адвокатом и в картошке с огорода семья точно не нуждалась. Мать, кроме того, что прекрасно готовила, так же была первоклассным дизайнером – и многие уютные кафешки и рестораны столицы были обязаны ей своим интерьером.

Стас выдохнул и уселся прямо на мокрые бетонные ступени. Дождь все не прекращался. Ну и хрен с ним, будет сидеть здесь, пока не сдохнет. Домой не пойдет. Пошло оно все куда подальше. Кому нужна такая сраная семья, где все друг другу врут?

— Убери от меня руки! – раздался неподалеку знакомый девичий голос.

— Не ломайся, куколка, – довольно агрессивно ответил мужской.

— Не трогай меня! Отпусти!

Влада?

Стас поднялся, всмотрелся в темноту, разреженную тусклыми всполохами сломанного фонаря. Так и есть Влада – и с ней какой-то долговязый придурок. Вот он хватает ее за запястье, тянет на себя. Он худой, но все равно вдвое крупнее Влады и ей нечего ему противопоставить.

Стас сорвался с места и с силой оттолкнул долговязого, когда тот почти сунулся к ней своими слюнявыми губами.

Хватило одного удара, чтобы эта тощая сволочь опрокинулась на спину. Одного крепкого удара точно в нос. Звук хрустнувшего хряща показался сладкой музыкой.

Пацан завыл, обхватил себя руками и принялся качаться в луже, словно упавший на спину жук.

— Стас? – Влада смотрела на него огромными испуганными глазами. Мокрая, с прилипшими ко лбу и щекам волосами, она

казалась еще большей худышкой.

— Он сделал тебе больно? Влада, отвечай, он что-то тебе сделал?

— Нет, нет, ничего, - сбивчиво ответила она. — Просто приставал и лез руками.

— Значит руки я ему и оторву.

Она вовремя его остановила: бросилась, обхватила сзади за талию, прижавшись всем телом. Маленький, такой же мокрый, как и он, кусочек тепла. Единственного тепла, которое было у него этим вечером.

— Не надо, с него хватит, - прошептала она. — Не надо, пожалуйста, оно того не стоит.

Он сжал зубы и молча смотрел, как ублюдок, скуля, на заднице отползает в сторону. Как потом поднимается, прижимая к носу окровавленные ладони — и убегает в ночь. Где-то над их с Владой головами сверкнула молния, небо расколол гром, от которого почти заложило уши.

— Почему ты не уехала со всеми, Влада?

— Готовила реферат на понедельник, - шепотом сказала она. Всклипнула. Плачет? Запоздалая реакция на стресс. — Целый день просидела за компьютером. А потом пришли Настя и Светка, позвали прогуляться.

Настя — это та ее подруга, что на год старше и которая на Новый год так надралась, что чуть не в штаны ему лезла? А он предупреждал Артема, чтобы присмотрел за Владой, когда возле нее трется такая шалава.

— Ну и где сейчас Настя и Светка?

— Мы посидели в кафе, но я обещала родителям, что не буду приходить домой позже одиннадцати. К нам подсели какие-то парни, и... Ну, в общем, мне пришлось идти одной. А этот... увязался следом.

Стас медленно расцепил руки Влады у себя на животе, повернулся, приподнял ее лицо за подбородок, почти ожидая увидеть потеки туши под глазами. Ничего, ни грамма косметики, только припухшие от слез веки.

— Ты же понимаешь, если бы меня здесь не было, то все могло бы кончиться плохо? — сказал очень строго, большими пальцами стирая влагу с ее ресниц.

Она прикусила нижнюю губу, кивнула.

— Пообещай мне, что больше не будешь никуда ходить с этими блядами, - потребовал Стас.

Она поморщилась — всегда так делала, когда он забывал «фильтровать» слова.

— Пообещай, Влада.

— Обещаю, - серьезно ответила она. А потом вцепилась в его ладонь, с ужасом разглядывая сбитые костяшки. — Господи, Онегин, что случилось? И... где твоя одежда?

— Ерунда, - отмахнулся он. Было что-то нереальное в том, какими слабыми и тонкими выглядели ее пальцы у него на кулаках.

— Ничего не ерунда! Пойдем, я дам тебе рубашку Артема и горячий чай. И еще нужен пластырь, и бинт, и...

Он не сопротивлялся, когда Влада затащила его в лифт, потом в квартиру, а там чуть ли не силой затолкала в душ. Она всегда была такой: деловитой маленькой женщиной. Шестнадцатилетней маленькой женщиной. Видимо, всему виной ее воспитание и завышенные ожидания родителей и учителей. Приходилось соответствовать.

Он долго-долго растирал тело жесткой мочалкой. До красноты, до боли. Позволил ледяной воде остудить горячую голову, а потом расслабился под теплыми тугими струями. Запихнул джинсы в стиралку, запустил программу и, повязав полотенце вокруг бедер, вышел.

Со стороны кухни уже доносился звон посуды и приятный запах, от которого желудок скрутило в тугий узел.

Влада возилась возле плиты, а на столе уже стояли чашки, тарелки. Стас улыбнулся — стакан с молоком.

— Ты же не пьешь молоко, терпеть его не можешь? — Он так и остался стоять в дверном проеме, налег плечом на откос.

— Зато ты пьешь, это же белок и полезно для мышц, - не отрывая взгляда от сковороды, где активно что-то помешивала, ответила Влада.

Надо же, помнит.

Влада успела переодеться в какой-то свободный мешковатый свитер чуть не до колен и узкие штаны. И носки с принтом из смеющихся гусят. Волосы подобрала в узел на макушке, но большая часть прядей выбилась и постоянно лезла в лицо.

— Не нужно этого всего, я домой пойду, - сказал он, поглядывая на часы. Мобильный окончательно сел. — Только мне бы что-то из одежды Артема.

— Никуда ты не пойдешь, пока не поужинаешь, и я не займусь твоими руками. Это не обсуждается, Онегин.

Она выключила газ под сковородой, отложила в сторону деревянную лопатку — и повернулась к нему. Пару раз моргнула, неумолимо медленно краснея. Стас знал, что нравился ей. Он вообще много кому нравился и никогда не испытывал угрызений совести, пользуясь этим. В конце концов, его первый секс случился в четырнадцать и с женщиной, куда старше его самого. И за следующие шесть лет он успел набраться опыта, чтобы ночь с ним девчонки запоминали надолго. Это было, пусть и не большой, но платой за то, что он редко ложился в постель с одной и той же. Возможно, когда-то придет и его время остепениться, но точно не в ближайшие десять лет.

Но эта красная, как маков цвет, девчонка, была сестрой его лучшего друга. И ей было всего шестнадцать. И он точно знал, что она девственница. И это была лишь малая кроха всех тех «ни за что», которые стояли между ними.

— Мне нужна одежда, Влада, - повторил он.

— В комнате Артема, на кровати. Я туда... положила. — Влада сглотнула.

Стас быстро вышел.

В штаны Артема он влез почти без проблем, а вот с футболкой пришлось повозиться. Друг был куда более тощим и

узким в плечах.

Все, а теперь валить отсюда. Возможно, завалиться к Кристине? Если у нее нет нового любовника, то ее кровать всегда гостеприимно пуста. И в свои почти тридцать эта женщина точно знает, что такое хороший секс без обязательств, никогда не закатывает скандалы и не бросает намеков об отношениях.

— Ты никуда не пойдешь, пока не поешь и пока я не приведу в порядок твои раны, - встала в дверях Влада. Все еще смущенная, но уже деловитая, с упрямой морщинкой между бровями.

— Раны? Это просто царапины. Прости, Влада, но вряд ли кому-то из твоих понравится, что я был с тобой один на один в пустой квартире посреди ночи. Мне не нужны проблемы с Артемом. У меня и друзей-то кроме него нет.

— Ты собираешься рассказать ему?

— Ну...

— Вот и я не собираюсь, - перебила она и ткнула пальцем в сторону кухни. — Я умею держать рот на замке, ты знаешь. И... мне не хочется оставаться одной. Сейчас.

На миг маска решительности сползла с ее лица, обнажив панику.

Стас вздохнул. Ок, просто ужин, пока она не успокоится.

— Хорошо. Я поставлю телефон на подзарядку. — «Потом позвоню Кристине, и буду трахать ее пока не станет пусто в голове».

Ужинали молча. Влада включила маленький телевизор, нашла какой-то музыкальный канал. Стас за обе щеки уплетал омлет, наштигованный целой кучей овощей и мясом, а девчонка без интереса ковыряла вилкой в тарелке. Когда у нее третий раз подряд зазвонил телефон, и она снова потянулась, чтобы нажать отбой, Стас перехватил ее руку, забрал из слабых пальцев мобилку. На экране высветилась фотография Насти и ее же имя.

— Не надо, - одними губами взмолилась Влада.

— Хрена с два! - зло огрызнулся он. Принял вызов и, прежде чем на том конце связи ответили, сказал: - Тебя уже хорошенько отодрали? Надеюсь, да, потому что я могу устроить тебе шикарную, блядь, групповуху, после которой через тебя будет со свистом пролетать цинковое ведро. Через все отверстия в твоём сраном теле. Ты меня хорошо поняла?

— Стас? – У Насти заплетался язык. – Где Влада?

— Я тебя предупредил. Увижу тебя или твою подружку возле Влады – вам обоим больше никогда не захочется шлаться по кабакам в поисках приключений. Еще раз спрашиваю – поняла? Если нет, то какую именно часть?

Она просто положила трубку. Стас мрачно посмотрел на Владу.

— Внимательно выбирай друзей, Влада.

— Ты всегда такой грубиян, - только и сказала она.

— Какой есть, - не стал отпираться он.

Пока Влада ставила на стол запеканку и заваривала мятный чай, Стас перемыл посуду.

— Пока чай стынет – давай-ка сюда руки, Онегин.

— Это просто царапины.

— А это просто очень упрямая я, - парировала она.

Пришлось подчиниться. Не из-за нее. А потому что эта забота была такой... настоящей. Все, что случилось после того, как он расквасил нос тому уроду, было настоящим. И не имело ничего общего с его насквозь фальшивой жизнью.

Он подвинулся на кухонном диванчике, уступая ей место рядом. Влада деловито обработала сбитые костяшки какой-то мазью из оранжевого тюбика. Попыталась было и перебинтовать, но тут он взбунтовался.

— Но от пластыря тебе не уйти! – изображая чуть ли не воительницу, клацнула зубами она.

— И даже униженные просьбы о пощаде не помогут?

— Не мечтай, Онегин.

— Почему ты зовешь меня по фамилии? — Он и сам не понял, зачем спросил. Какая к черту разница, как она его зовет. Лишь бы не «чуваком» или «бро».

— Потому что... так проще. — Она сглотнула и все-таки пристроила пару липких полосок на руку. Опустила голову, вздохнула. — Спасибо, что вступился за меня... Стас.

— Очень надеюсь, ты сделаешь выводы. И вообще, почему было мне не позвонить? Я бы приехал за тобой.

— Я звонила, но ты сбросил. Несколько раз. — Она подняла взгляд — и его обожгло укором ее травянисто-зеленых глаз. Всего на миг, но стало до дьявола неуютно. — Я подумала, ты чем-то занят. Или кем-то.

«Как обычно», - добавила уже без слов, одним взглядом.

— Просто был дурацкий день. Извини, я полный придурок. Сделаем вот что, - он снова потянулся за ее телефоном, - официально переименуем меня в списке твоих контактов в «засранца». Тогда я точно буду откликается всегда, когда буду нужен маленькой сестричке своего лучшего друга. Носовые платки, мороженку, набить морду мальчишке, который за косички дергает — все, что захочет ванильная принцесса моего сердца!

— Нет, Онегин, не смей! — вдруг взвилась она, попыталась выхватить телефон, но он, со смехом, увернулся — и Влада шлепнулась прямо ему на грудь. — Не трогай мой телефон! Это личное! Что за дурацкая привычка вести себя так, вроде все вокруг принадлежит тебе?

— Ок, тогда мы переименуем меня в «поганца», - согласился он, пытаясь управиться одной рукой, а второй безуспешно стряхивая ее с себя.

На букву «С» его имени не было, и на «О» - тоже. Он включил список исходящих звонков — и нашел четыре неотвеченных. Теперь понятно, почему не нашел себя. Ведь Влада подписала его: «Мой Стас».

Она воспользовалась его замешательством, вырвала телефон и спрятала под одну из диванных подушек.

— Я не твой Стас, Влада, - сказал он хмуро.

— Спасибо, что напомнил.

— Я вообще ничей и никогда не буду чьим-то. Отношения мне на хрен не нужны. Просто не стоит питать иллюзий на мой счет, хорошо? Тебе не нужно такое дерьмо, как я.

— Нам обязательно обсуждать это?! — разозлилась она. — Это мой телефон, моя телефонная книга и я сама решу, как и кого в ней подписывать, это тебе понятно? Хватит меня поучать!

Она тяжело дышала: маленькая грудь под мешковатым свитером часто поднималась и опускалась, сердце так бешено колотилось, что он чувствовал удары ладонью, вдруг осознав, что держит Владу за запястье и чувствует каждый толчок вены под тонкой кожей.

— Ты мне нужен, — прошептала она с такой оглушительной откровенностью, что ему захотелось прикрыться от напалма ее обнаженного признания. Чистая, неподдельная правда, без натужного кокетства, без фальшивой сладости, без похоти. — Ты мое «все».

Она потянулась к нему, неловко, совершенно неопытно прикоснулась губами к его губам. Замерла, отодвинулась — и зрачки в ее глазах стали огромными омутами, куда его неумолимо затягивало. И нет смысла барахтаться — он просто тонет, захлебывается.

— Я... не умею, — сказала Влада, краснея. Румянец сплелся с веснушками, превратил ее лицо в какой-то сверхмощный магнит. — Не знаю... как.

«Нет, блядь, Онегин! Не смей! Вали отсюда нахрен! Она тебя не спасет!»

— Приоткрой рот, — приказал он. Голос стал хриплым, дыхание со свистом вырвалось наружу.

Она облизнулась: кончик розового язычка пробежался по губам.

— Расслабься. Поцелуй — это не клеймо.

Влада закрыла глаза: доверчивая, маленькая, пахнувшая дождем. Огромное обещание чего-то такого, чего у него

никогда не было. Чего-то... настоящего. Хрупкое глупое сердечко, которое любит его просто так, а не за деньги и статус.

«Собирайся и уходи, - наставлял слабеющий голос рассудка. – Она же малолетка!»

— Влада, пошли меня, - потребовал Стас. – Прогони, пока не стало слишком поздно для нас обоих.

«Потому что я уже не выберусь из этой пропасти».

Она приоткрыла глаза, посмотрела на него из-под полуопущенных золотых ресниц.

— Нет, - сказала твердо, руша все мосты за их спинами, - нет, мой Стас.

Это будет только один быстрый поцелуй. Лучше он покажет, как это может быть, чем какой-то малолетний придурок напускает слюней в этот хорошенький ротик и навсегда отобьет у нее охоту.

Он поймал Владу за затылок, прижался губами к ее губам с неожиданной для себя самого нежностью. Ее губы были удивительно мягкими. Податливыми, как будто именно к этому она шла всю свою, пока еще коротенькую, жизнь.

— Теперь ты, - предложил он, откидываясь на спинку дивана.

Блядь, какого хрена она уселась на него верхом?!

Влада перебросила ногу, оседлала его своим крохотным телом, буквально раздавила напором безумной, открытой, как полуночный цветок, любви.

Он призывно чуть раздвинул губы, и она приняла это приглашение. Ее рот был горячим и сочным, безумно сладким, безупречным. Губы двигались несмело, но страстно: она пробовала его на вкус, смелела с каждой минутой.

— А теперь язык, Влада. Ты же хочешь, да? Раскрытый похотливый поцелуй? – Он погладил ее влажные губы большим пальцем, а она в ответ потихоньку застонала, терзая его кожу горячим дыханием.

Вот теперь пора валить отсюда к херам собачьим. Пока тот

мудак в нем, которого не заслуживает это ванильное совершенство в детских носках, не расколотил ее сердце.

— Просто позволь мне, хорошо? Не закрывай рот.

Он потянул ее к себе, поймал за подбородок, фиксируя голову так, что у Влады почти не осталось возможности двигаться. Раскрыл ее губы поцелуем, скользнул внутрь языком, поглаживая влажную плоть. Нашел ее язык, лизнул, приглашая ответить тем же. Она жарко рванулась навстречу.

— Не спеши, ванилька, - со смешком придержал Стас. — В поцелуях торопиться не стоит. Зато ты точно будешь знать, если поцелуй тебе не нравится, то нужно валить от этого мудака и искать другого.

— Я не хочу другого, - вдруг сказала она. Зло, сердито. — Мне нужен только ты. Даже если это все просто дождь за окном и мой сон. Даже если ты не настоящий, но я... я настоящая! Мои чувства — настоящие!

— Блядь, Влада, проклятье...

Ее откровенность и честность сводили с ума, били в башку словно какой-то охранительно крутой наркотик. Он буквально набросился на ее рот, с какой-то звериной жадностью прикусил губы, и она так потрясающе отзывчиво застонала в ответ, что в штанах мигом стало тесно.

Что, мать его, вообще происходит? У него член колом стоит от простого поцелуя? И с кем? С Владой, которой он положил под елку подвеску с долбаным котенком?

Он инстинктивно обхватил ее шею — такую тонкую, что она почти уместилась в ладони, скользнул пальцами ниже, подцепил тонкую нитку цепочки.

— Ты носишь ее, серьезно? — спросил он. Нужна минута передышки, привести голову в порядок, найти отрезвляющую причину, почему это все одна большая лажа.

— Конечно, это ведь твой подарок. Настя сказала, что обошла все магазины, но среди серебра такого не было, и она сказала, что это просто какой-то сплав и он скоро потемнеет и облезет. Мне все равно. Я снимаю, когда купаюсь, и очень его берегу.

— Что? — Стас не сдержал смех. — Сплав? — Он от души расхохотался.

— Извини, - Влада потупила взор, потянула цепочку, выуживая из-за ворота свитера подвеску и сжимая ее в кулаке. — Он для меня дороже всего на свете.

Ладно, пусть святая наивность верит, что это сплав и цирконы. Главное, что носит, хотя подвеска выглядит довольно детской, игрушечной. Не каждая из его подружек стала бы носить такое, даже если это платина и два изумрудных «глаза». Черт знает, почему купил его. Просто слонялся без дела по Парижу и зашел в «Картье». На карте была первая заработанная самостоятельно кругленькая сумма, а на носу — Новый год. В итоге мать получила свои серьги, а его взгляд зацепился за безделушку, которая лежала особняком. А в памяти почему-то всплыли заплаканные глаза сестры Артема, когда она в очередной раз поругалась с отцом.

— Это хороший сплав, Влада, - стараясь казаться серьезным, уверил Стас. — Он точно не облезет.

И в этот момент откуда-то из-за подушки раздалась настойчивая мелодия ее телефона. Влада замотала головой, и Стасу самому пришлось достать его.

— Твоя мама. — Он показал экран телефона. — Волнуется.

Она взяла трубку, выскользнула из кухни, по пути немного не разминувшись с дверным косяком. Стасу потребовалось несколько секунд, чтобы сунуть ноги в насквозь мокрые кроссовки и уйти, проверив, надежно ли захлопнул за собой дверь.

Прохладный воздух мартовской ночи отрезвлял, вколачивал в голову чувство вины за случившееся.

Что это, мать его, было?

Глава седьмая: Влада

Наше время

Влада не могла сказать точно, сколько времени провела в темном воняющем бытовой химией углу, мысленно ругая все на свете и в первую очередь – свою беспечность. Надо же, возомнила, что сможет тягаться с Онегиным. У него нет и никогда не было сердца. И если она еще с горем-пополам могла оправдать иллюзии шестнадцатилетней влюбленной соплячки, то попасться на эту же удочку в девятнадцать... Ну и кто она после этого, если не размазня?

— Чего расселась? Сразу предупреждаю: увижу тут с сигаретой – сразу начальству пожалуюсь. Травитесь в другом месте.

Влада так ушла в себя, что не заметила, как в подсобке появилась низенькая, плотно сбитая женщина неопределенного возраста «сколько-то после сорока». Она так быстро навела порядки после их со Стасом «задушевного разговора», что Влада сразу поняла – перед ней та самая Аллочка, уборщица и хозяйка этого государства в государстве.

— Простите, - Влада кое-как поднялась на ноги. Слабость в мышцах была невероятной, и она на всякий случай придерживалась за все туже пресловутую стойку. – Я стажер, Влада Егорова. Хотела одолжить у вас немного вот этого, - кивнула на свою охапку, - чтобы прибраться на новом рабочем месте.

Аллочка как будто поверила, во всяком случае, не бросилась на нее ни с кулаками, ни с претензиями.

— Алла Николаевна, но тут я для всех просто Аллочка. Ты что ли стол Малышева заняла? – сказала она, ловко ныряя в рабочий халат.

— Кажется.

— Я приберусь там мигом. Ты лучше это... - женщина надела перчатки, поводила пальцем около глаз, - ... умойся, что ли.

— Спасибо большое. А вы не подскажите, где...

— Дверь налево.

Влада потихоньку проскользнула в главный офис, в глубине души готова получить еще один сокрушительный удар

вроде нагоняя от шефа. Но офис «Пересмешника» оставался точнотаким же, как и до ее очередного столкновения с катком по имени «Стас Онегин». Похоже, даже высшим силам, если таковые действительно существуют и любят посмеиваться над людишками, надоело над ней измываться. Стараясь остаться незамеченной, Влада проскользнула в указанную дверь, за которой оказался широкий коридор с целой чередой дверей. Нужная ей комната, обозначенная металлическим силуэтом девушки в пышном платье, оказалась в торце. К счастью, внутри было пусто.

Влада до максимума открутила вентиль крана. Напор воды жестко врезался в эмалированную поверхность, распространяя вокруг себя облака мелких брызг. Влада перевела дыхание – наконец-то хоть что-то, способное привести ее в чувство.

Она умывалась до тех пор, пока кожу на лице не стало покалывать от холода. Потом тщательно растерла щеки, чтобы предать им хоть какое-то подобие румянца. Если вернуться в офис с таким мертвецки бледным лицом, все вокруг начнут хором выпроваживать ее в больницу. Подобное уже случалось, а тогда она выглядела гораздо лучше, чем сейчас.

Влада с трудом помнила, как вернулась на рабочее место. В памяти отложилась лишь чистота на столе, разительно отличающаяся от оставленного прежним владельцем бардака. На каких-то самой себе неизвестных неприкосновенных запасах внутренних ресурсов смогла перечитать полученные от Павлицкого бумажки и даже составить план-график. Оказалось, что ближайших дней десять придется носиться по городу, как раненая во всем известное место рысь. На всякий случай, она продублировала свой график из ежедневника в «эксель», куда добавила ссылки на различные информационные ресурсы или официальные страницы того или иного мероприятия.

— Эй, - кто-то настойчиво потряс ее за плечо, - планируешь остаться тут ночевать?

Влада оторвала взгляд от монитора, и только после этого сообразила, как сильно устали глаза. Под веки словно натолкали мелких колючек, во рту пересохло. Она бросила взгляд на настенные часы – почти восемь. За окном темень, хоть глаз выколи.

— Я немного не рассчитала со временем. — Она скопировала наработки на флешку, спрятала ее в потайной карман рюкзака.

— Одевайся, я сам «машину» вырублю, - вызвался помочь Серега.

Позже, когда они вышли из офиса, оказалось, что им и ехать по пути. Влада была рада попутчику. В первую очередь потому, что рот у него вообще не закрывался, и даже когда он стремительно и без предупреждения перескакивал с одной темы на другую, его болтовня непостижимым образом оставалась увлекательной.

— Я сразу понял, что ты нормальная девчонка, а не соска из ночного клуба, - сказал он голосом бесконечно важным и одобряющим, чем вызвал у собеседницы легкую улыбку.

— Имеешь что-то против клубов? — спросила она.

— То есть тебя интересую, почему я ненавижу эти воняющие алкоголем, спиртом и «шанелями» коробки с дурацким освещением и музыкой, похожей на визг кастрированного хряка? — Он вопросительно вскинул бровь, всем видом намекая, что после этого она обязана перестать задавать глупые вопросы.

Влада сдалась, миролюбиво подняла руки ладонями вверх.

— Мне здесь на выход, - сказала она, когда электронный голос объявил название следующей станции.

— Уверена, что тебя не нужно проводить?

— Абсолютно. Я назначила встречу с братом, он, наверное, уже меня ждет.

— Эй, Влада, - окрикнул ее Серега, когда она пристроилась в конце «очереди» на выход, - постарайся не дать Павлицкому повод тебя вытравить. Этому коллективу просто необходим кто-то, вроде тебя.

— Зануда и разиня? — поддразнила она.

— Девчонка, с которой есть, о чем поговорить, - добродушно, чуть краснея, исправил он.

Артем действительно ждал ее у выхода: с початой сигаретой в одной руке и пакетом в другой.

— Тебя пока дождешься — окоченеешь. — Он был тем еще любителем поворчать. — Вот, это тебе от Дашки.

Артем и Даша встречались уже несколько лет, хотя порой Владе казалось, что она не может вспомнить времени, когда Артем был одинок. Звонкая и энергичная Дашка прочно обосновалась в жизни ее брата в целом и в его квартире в частности. И хоть речь о свадьбе не заходила, родители не упускали случая попенять Артему тем, что в его возрасте задумываться о серьезных отношениях рановато. Как правило это заканчивалось хлопком двери и затяжным молчанием обеих сторон. Владе в этих семейных дразгах отводилась роль буфера между братом и родителями. И последние не упускали случая пожурить ее за то, что не вмешивается. Как будто проблема заключалась в том, что девятнадцатилетняя девчонка не вставила вовремя свои пять копеек. Просто Даша была на три года старше Артема и воспитывала трехлетнюю дочь, в свидетельстве о рождении которой в графе «отец» стоял прочерк. Артема этот факт несколько не смущал, а с Женькой у них с самого начала наладились хорошие отношения. Но доказать что-либо двум снобам старой закалки было бесполезно.

Даша работала гидом в туристической фирме и относилась к тем счастливым людям, которые почти задарма могут встречать новый год на солнечном побережье Ривьеры, и прятаться от изнуряющей июльской жары на озерах Исландии. Кроме того, она обладала исключительным вкусом и прекрасно разбиралась в моде, поэтому неизменно привозила из поездок крайне полезные презенты. Можно не сомневаться, что и сейчас в бумажном пакете лежит какой-то косметический хит или произведение искусства парфюмерных гуру, или шелковая косынка, а может, невероятно мягкая пашмина. В другой раз Влада прямо на улице распотрошила бы содержимое, но сегодня ей было не до этого.

— Что стряслось? — спросил Артем, сощурившись от резкого порыва ветра.

— Может, поедem ко мне?

Брат глянул на часы, пожал плечами.

— Хорошо, только у меня времени немного. В девять нужно забрать девочек от Дашкиных родителей. Но от чашки кофе, который варит моя любимая сестра, не откажусь. Может, у тебя и мои любимые блинчики с мясом есть?

У него был такой вдохновленный вид, что Владе было почти жаль разочаровывать его категорическим «нет». У Артема была подержанная «Хонда», как он сам любил говорить, такая старая, что он из уважения к женщине не признается сколько ей лет. Зато купил ее на собственные деньги и был доволен, как слон, невзирая на то, что ради этого вкалывал день и ночь напролет. У брата всегда была предпринимательская жилка: Влада помнила, как он даже черешню с бабкиного огорода умудрялся продать оптом и дороже, чем у стоящих рядом торгашек. Сама она была напрочь лишена денежного чутья, поэтому могла лишь с доброй завистью наблюдать за становлением успешного мужчины. В том, что к тридцати Артем станет владельцем как-то успешной конторы и сколотит приличное состояние, она не сомневалась.

По дороге до ее дома брат поделился насущными проблемами: Женька умудрилась разбить нос мальчишке-драчуну, что спровоцировало скандал почти мирового масштаба. При этом, Артем не скрывал, что именно он научил девочку давать сдачи пацану, который все время ее доставал, а воспитатели делали вид, что синяки на хрупком детском тельце берутся из воздуха. Влада улыбнулась — в свое время и она прошла эту школу, но в отличие от четырехлетней девочки, ей редко, когда хватило силы духа собрать пальцы в кулак и врезать обидчику. Поэтому Артему приходилось лично вступаться за младшую сестренку. После «разговора по-мужски» Владу обходили стороной даже самые большие храбрецы. Ничего удивительного, что, когда случилась история со Стасом, брат не колебался ни секунды.

Едва переступив порог ее квартиры, Артем без стеснения атаковал холодильник. Пока Влада скрупулезно мыла руки, брат успел настрогать горку бутербродов с курятиной и грибами, и уже уплетал их за обе щеки. Влада занялась кофе.

— Ты... видел Стаса? — наконец, спросила она. Хотелось

поскорее разобраться с насущной темой, не дающей ей покоя.

Судя по затянувшейся паузе и прекратившемуся чавканью, вопрос задел Артема за живое. Влада разлила кофе по чашкам, поставила одну перед братом и села напротив.

— Я так понимаю, твое молчание означает «да», - за брата ответила она. — Тогда перефразирую: когда он вернулся и что ты обо всем этом знаешь?

Артем отложил бутерброд, отряхнул ладони от крошек.

— Я так понимаю, - подражая ее тону, начал он, - ты уже успела где-то наткнуться на этого засранца.

— Дважды, - не стала юлить она. — И узнала такое, что без твоей помощи вряд ли смогу переварить.

— Онегин никуда не уезжал, - нехотя, признался Артем. — Родители спланировали его куда-то на загородную дачу, насколько я знаю, а папаша прикрыл в университете оформлением индивидуального плана обучения. Через полгода появился на сессию. И снова исчез, до следующей сессии. Ты же понимаешь, я не горел желанием спрашивать, как его житье-бытье?

— Ты мог бы сказать мне.

— Зачем? Ты поступила на первый курс, и я впервые видел, что ты потихоньку отходишь от всей той хрени, которая между вами случилась. Если бы ты узнала — неужели не побежала бы к нему, не бросилась на шею, умоляя вернуться к тебе? Влада, ты только не обижайся, но я решил, что имею больше жизненного опыта, чтобы решить, как будет лучше для тебя. Я же не слепой и не дурак, видел, что конкретно ты влипла в этого мудака.

Вот этой парой предложений Артем исчерпывающе описал всю суть их братско-сестринских отношений: она — маленькая и безвольная девочка, а он — взрослый и умный, поэтому априори имеет право решать даже там, где дело касается ее сердца. И хоть он был до обидного прав, Влада не смогла промолчать.

— Вы все всегда решали за меня, - сказала она, удивляясь, каким злым стал голос. Как будто и не было между ними сотен разговоров по душам. — До сих пор решаете.

— Хочешь сказать, не имели права? — Артем тоже перестал изображать милого парня и стал тем самым старшим братом, который за дело, не моргнув глазом, всыплет и в хвост, и в гриву, и не будет расшаркиваться, подбирая вежливые слова. — Ты умудрилась дать Онегину поиметь тебя в шестнадцать лет, прекрасно зная, что он за человек. Извини, Влада, но после такого ты начисто лишилась моего доверия. Нашего доверия.

Заслуженные и оттого еще более обидные слова.

— Я видела Онегина сегодня, - сказала она, разглядывая отражение на гладкой черной поверхности кофе. Ну и видок у нее, как у приговоренной ко всем Кругам ада. — Он приходил в редакцию выяснять что-то насчет статьи с ним. Сказал, что после того, как вы подрались, наш отец предъявил претензии его семье и пригрозил... - Влада сглотнула. В воображении она специально отрепетировала эту фразу, но на проверку оказалось, что язык отказывается ворочаться нужным образом, а просто бессовестно деревенеет. — Стас сказал, что мы шантажировали его семью. И что из-за этого его отцу пришлось снять свою кандидатуру, а его мать...

Она снова сглотнула. Повторять не хотелось.

Влада все-таки оторвала взгляд от чашки, заглянула в лицо брату. Господи, пусть это будет неправдой. Пусть он удивится, закричит, что Онегин козел и мразь, пусть снова поедет и почешет об него кулаки, лишь бы слова Стаса оказались враньем.

Увы. Артем, который не имел привычки увиливать, напряженно сжал челюсти и слишком выразительно ругнулся самым что ни на есть грубым матом.

Влада откинулась на спинку стула. Значит, правда.

— И ты тоже принимал в этом участие? — Она заранее знала, что положительный ответ Артема поменяет все, перевернет мир с ног на голову.

— Я узнал постфактум. От отца. Намного позже.

— Хочешь сказать, что он решил посвятить тебя в свои планы очернить невинного человека? Просто так, ни с того ни с сего взял — и рассказал?

— Ты действительно хочешь знать, как и почему?

Они всегда были близки, как бывают близки лишь брат и сестра, которые с детства привыкли быть друг для друга опорой и поддержкой, невзирая на разницу в возрасте. И Артем как никто другой угадывал ее чувства без слов. Часто Владе казалось, что для этого ему достаточно лишь взглянуть на нее. Вот и сейчас, после недвусмысленного вопроса брат пристально изучал ее лицо, как будто хотел сказать: «Меня-то тебе точно не обмануть».

— Ты прав — не хочу.

Что, в сущности, изменят несколько фактов? Так ли важно знать, когда и при каких обстоятельствах отец решил поделиться с Артемом своим «блестящим планом»? В их со Стасом истории это ровным счетом уже ничего не меняет.

— Влада, Онегин — та еще сволочь, — неожиданно резко и грубо сказал Артем. Он не часто позволял себе высказывать о людях подобными эпитетами. — Что бы ни творилось в твоей голове, лучше вышвырни его оттуда. Все семейство Онегиных — мудачье. Поверь, я знаю, о чем говорю. Они получили то, что заслуживали. Будь моя воля...

Он сжал зубы, но развивать тему не стал.

Влада поднялась, подошла к окну. Импульсивно обхватила себя за плечи, пытаясь согреться. Внезапный озноб кусал и жалил кожу. Вышвырнуть? Ей хотелось кричать от ощущения себя узницей какого-то сверх плотного вакуума, в котором никто, абсолютно никто ее не понимал. И, что куда хуже, не пытался понять.

— Я в порядке, — сказала она, на всякий случай не поворачивая головы. Она никогда не умела притворяться, и Артему будет достаточно одного взгляда, чтобы ее раскусить. — Просто была не готова увидеть его через столько лет. Да еще и так внезапно. И эта история с нашим отцом. Господи. Просто сюжета-ля граф Монте-Кристо какой-то, а не жизнь.

Она энергично потерла плечи, надеясь, что хотя бы эта нехитрая уловка вернет ее телу толику тепла.

— Уверена?

Снова этот обезоруживающий своей простой вопрос.

— Я никогда не скрывала, что Стас был особенным человеком для меня, - призналась она. Судя по злему чертыханью брата, он ожидал услышать что-то совсем противоположное. — Но тебе не о чем беспокоится: я в состоянии справиться с прошлым. Кроме того, - Влада решила использовать последний аргумент, надеясь, что он отобьет у Артема охоту к дальнейшим расспросам, - я кое с кем встречаюсь. И прежде чем ты начнешь задавать вопросы — пока я вообще не готова обсуждать это ни с кем.

— Кроме подружек, - проворчал Артем, но Влада явственно услышала нотки облегчения в его голосе.

— Подружки — это святое.

Скоро брат засобирался домой. Перед самым уходом, уже в пороге, он не удержался и переспросил, действительно ли она в порядке. Влада постаралась, чтобы ответ прозвучал максимально убедительно, но судя по озадаченному лицу брата, ей это не слишком удалось. Поэтому, прежде чем уйти, он как бы невзначай намекнул, что, несмотря на свой «стариковский» возраст, всегда готов защитить честь сестры не только словом, но и делом. Пришлось обозвать его задирой и напомнить, что Даша терпеть не любит опоздальщиков. Это подействовало безотказно — через секунду Артема и след простыл.

Странное дело, пока брат был рядом, она мечтала, как бы остаться в одиночестве. Но едва Артем ушел — и пустота набросилась на нее сразу отовсюду. Влада бесцельно бродила из угла в гол, из кухни — в комнату и обратно. Ложилась, садилась, снова вставала — и так до тех пор, пока не поняла, что отчаянно пытается удержаться от навязчивой идеи нырнуть в воспоминания.

«Остановись, Егорова, - приказала себе, снабдив встряску парочкой мысленных пощечин. — Хватит. Переварили и забыли».

Звонок телефона пришелся как раз кстати. Звонил Никита.

— Ты дома? Я только освободился, подумал, что мы могли бы куда-нибудь сходить. Знаю, что ты против поздних

прогулок, но мы не виделись целую неделю и я...

— Мне нужно десять минут, чтобы собраться, - перебила она. — Думаю, ради тебя я готова делать исключения.

Было бы не правдой сказать, что она летела к нему из-за горячего желания встречи. Но сейчас Влада хотела быть с ним — и ни с кем другим. Даже если бы Онегин появился прямо в эту секунду и позвал за собой — она бы нашла силы для твердого и однозначного «нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Полную версию книги можно найти на странице автора по ссылке: <https://litnet.com/ru/book/plohish-b41563>

Заметки

[← 1]

БЖУ – «белки-жиры-углеводы», система подсчета суточной нормы, которой придерживаются спортсмены и люди, желающие похудеть.